

Чужой. Воскрешение

Автор:

Энн Криспин

Чужой. Воскрешение

Энн К. Криспин

Вселенная Чужих и Хищника Чужой #4 Чужой против Хищника

На борту космического корабля «Возничий» происходит то, что просто невозможно себе представить – просыпается Эллен Рипли. Последнее, что она помнит – собственная смерть в огне на планете-тюрьме «Фиорина 161». И все же она жива, став еще сильнее, еще яростнее... став ДРУГОЙ.

Рипли обнаруживает, что военные ученые научились выводить ксеноморфов – жутких существ, с которыми она отныне каким-то образом телепатически связана. И теперь «Возничий» и его кошмарные пассажиры направляются напрямик на Землю...

Основываясь на сценарии Джосса Уидона, известная писательница Э. К. Криспин создала роман, завершающий знаменитую кинотетралогию «Чужие», навсегда изменив сагу об Эллен Рипли – единственной выжившей с «Ностромо».

Э. К. Криспин

Чужой. Воскрешение

Официальная новеллизация

A. C. Crispin ALIEN™ : RESURRECTION:

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.
www.titanbooks.com

© 1979, 2019 Twentieth Century Fox Film Corporation

* * *

Пролог

– Это чужой!

Осознав это, Винсент Ди'Стефано невольно отпрянул. «Как, черт возьми, он попал сюда, в кормовой командный отсек?» Винни заставил себя остановиться и удивленно уставился на гротескное существо.

Глаза чужого выглядели огромными, совершенно непропорциональными на удлинённой уродливой голове. Узкая эллиптическая радужка, казалось, охватывала хрусталик, словно указывая на свое иномирное, неземное происхождение. Существо моргнуло, и его прозрачные веки дернулись так быстро, что Винни не сумел бы сказать, начиналось это движение сверху, снизу, или даже вообще со всех сторон. На деле, не в движении веки нельзя было бы рассмотреть в принципе. Существо снова быстро моргнуло – раз, другой, третий, – затем повернуло голову.

Заметило ли оно человека?

«Вот дерьмо!»

Челюсти существа угрожающе раскрылись – между ними начали образовываться тонкие нити густой и прозрачной слюны, которая медленно стекала с опасно острых зубов. Так много зубов! Губы разошлись в беззвучном, но свирепом рыке,

и существо неторопливо двинулось вперед.

Винни заставил себя сохранять неподвижность, пока челюсти твари медленно раскрывались и закрывались, роняя нити густой, липкой слюны.

«Если одна из этих штук оказалась тут, – подумал он, – их может быть и больше. Может, и весь чертов рой! Но откуда они взялись? Как попали на корабль?»

Имело ли это значение? Это существо находилось здесь, сейчас, с ним, в том и заключалась суть. Чужой ринулся вперед и остановился – его движения были быстрыми, насекомыми, а хвост мотался из стороны в сторону, словно чувствительный датчик, собирающий информацию. Мог ли чужой видеть человека? Знал ли он вообще про то, что Винсент находится здесь рядом, в командном отсеке? Функционировали ли эти огромные глаза, или же твари эволюционировали до стадии, на которой пища или жертва обнаруживается за счет какой-нибудь световой волны или чувства, недоступных человеку? Может ли, к примеру, существо быть более чувствительно к движению или к запахам, а не к визуальной информации?

Гротескная удлинённая голова чужого повернулась, словно существо пыталось оценить обстановку вокруг. Должно быть, его отвлекали множество мерцающих огоньков и работающие цветные экраны командной консоли. Может, работа консоли мешает ему обнаружить Винни. Ди'Стефано сглотнул, искренне надеясь на это.

В этот момент один из обзорных экранов замерцал, меняя изображения так быстро, что чужой развернулся, чтобы посмотреть. Планета Плутон, молча висевшая в пустоте под кораблем, внезапно придвинулась на крупных планах – извергался один из ее небольших гейзеров, выплевывая в космос жидкий азот. Яркость ледяных колец Плутона, даже с учетом встречающихся тут темных, красноватых областей, ошеломляюще контрастировала с абсолютной чернотой пространства вокруг.

Существо покачало головой из стороны в сторону, наблюдая за планетарной активностью. Активность гейзера достигла пика, а беззвучное извержение пришло к кульминации. Экран показал это явление с большим фокусом, приблизил план. В результате, чужой полностью отвернулся от Винни, и неожиданно метнулся к экрану, подвижный, словно паук.

«Сейчас! Быстро! Пока он не смотрит! Давай!»

Под влиянием отточенных рефлексов опытного бойца, каковым он, Винни, и являлся, палец на спусковом крючке напрягся, шевельнулся...

БАМ!

«Попался, ублюдок!»

Ди'Стефано поднял руку и осмотрел раздавленные останки мертвого чужеродного насекомого, налипшие на кончике пальца. «Интересно, что это еще за чертовщина?» Винни с отвращением покачал головой. Генерал Перес на говно изойдет, если услышит, что на борту его идеально чистого корабля, на его «Возничем», обнаружилось непонятное насекомое, да не где-нибудь, а в командном отсеке. Этот тут был один, или есть еще? Хватит двоих, чтобы появились тысячи. Черт, да с некоторыми видами хватает и одной особи.

Все еще рассматривая раздавленного жука, молодой солдат допил свой молочный коктейль. «Да он точно так же изойдет на говно из-за того, что ты ешь на дежурстве, парень». Винни улыбнулся. Да, генерал Перес жил по уставу, но Винни пропустил завтрак и не дотянет до обеда, если чем-нибудь не подкрепитсЯ. На всем огромном корабле почти не было занятия скучнее, чем сидеть в командном отсеке. Хуже было только застрять тут на пустой желудок.

Он смял тонкий стаканчик, засунул его в карман, после чего взял оставшуюся соломинку и потыкал ею останки жука. Он все еще различал вытянутую голову и жуткие, хотя и крошечные, зубы.

«Фу! Ну ты и урод, ублюдок. Как ты на борт заполз? Должно быть, был в одной из “неофициальных” посылок генерала из какой-нибудь колонии в глухомани за границами фронта. Не то, что бы я в них разбирался или хотел разбираться! Когда ты – солдат, работающий на засекреченном объекте, дрейфующем вокруг гравитационного центра Плутона и Харона – другими словами, посреди траханного в жопу нигде! – ты учишься не задавать вопросов и ничего не рассказываешь сам».

Единственную вещь, которую Винни выучил за кажущийся бесконечным год службы на борту «Возничего», так это то, что назначение на засекреченный

объект – самая скучная работа, на которую может быть обречен солдат. Здесь никогда ничего не происходит, ничего! Генерал Перес об этом позаботился, со своими постоянными проверками, с рутинным поддержанием идеального порядка. Каждая часть оборудования, каждый компьютерный чип, каждое устройство на борту «Возничего» были высшего класса – новенькие, блестящие, отполированные, доведенные до совершенства. Не случалось даже механических поломок, чтобы разбавить скуку.

Что ж, через три месяца Винни отсюда смоется. А после успешного завершения секретной службы у него будет, из чего выбрать дальше.

«Уж можно поверить, что в следующий раз у меня будет побольше действия. Может, выберу аванпост на Ригеле. Там вечно какое-то дерьмо происходит. Там рубеж. Не то, что на этой мечте шпиона».

Он снова осмотрел насекомое, расковыривая частички соломинкой. «Возничий», проигрывающий войну с жуками – это хотя бы по-глупому смешно. Винни не привык видеть насекомых в космосе. Конечно, военные были знамениты тем, что развозили паразитов повсюду – начиная с крыс и блох в грузах и припасах на борту древних деревянных кораблей, продолжив ящиками с едой, товарами, оружием и коричневой бойгой на островах Тихого океана, где она стала причиной исчезновения целых видов птиц в двадцатом веке, и заканчивая практически подорвавшим нормальное функционирование колонии на Марсе нашествием обычных тараканов, завезенных туда с предположительно простерилизованными, обезвоженными и вакуумно упакованными пищевыми продуктами на заре освоения космоса. Но условия в большинстве грузовых отсеков обычно уничтожали мелких ублюдков, так что теперь эта проблема свелась к минимуму.

Но не на «Возничем». Вместе с комарами, сбежавшими из лаборатории после какого-то давнего эксперимента и до сих пор появлявшимися в самых странных местах, с пауками, которые неожиданно откуда-то возникли после одного из неофициальных грузов Переса, и случайными непонятными жуками, вроде того, что Винни только что раздавил, огромный корабль казался каким-то здоровенным жукоборником! Было похоже, что низшие формы жизни галактики решили показать генералу Пересу, что несмотря на всю его военную важность, несмотря на значение его секретных операций, здесь, на задворках Солнечной системы, он все еще не может справиться с Матерью-Природой. Винни улыбнулся.

Счищая останки жука, все еще влажные от крови и слюны, в пластиковую соломинку, Винни обдумал вопрос, не стоит ли «доложить». Таковы были правила генерала. На борту его чистенького корабля гости без приглашения сводили Старика с ума. Он вечно хотел, чтобы жуков ловили, по возможности живьем – для «классификации», чтобы можно было установить источник. Винни подумал о бумажной волоките, о расследовании, о нелепых спорах из-за жука. Посмотрел на кончик соломинки.

«Да ну на хрен!»

Нацелив соломинку на безукоризненно чистый иллюминатор командного отсека, он сильно в нее дунул, отправив раздавленное насекомое в полет. То разбрызгалось от удара по прозрачному материалу, словно жук на ветровом стекле скоростной машины. Винни рассмеялся.

«Вот, сынок, и кульминация этой бесконечной вахты!»

Он глянул на консоль управления и многочисленные мониторы. Все было тихо. Спокойно. Скучно до смерти. Даже гейзер прекратил извержение. Солдат вздохнул, почесал практически наголо обритую голову и постарался не смотреть на то, как часы отсчитывают секунды, оставшиеся до конца его вахты.

Может, появится еще один жук, чтобы развлечься. На это всегда можно рассчитывать.

1

Доктор Мэйсон Рэн быстро шел по нейтрально-окрашенным коридорам в направлении главной лаборатории. Генерал Перес вызвал его на незапланированный брифинг, оторвав от завтрака, и двадцать три минуты, что пришлось потерять на эту встречу, стали настоящим бедствием в расписании ученого. К счастью, Рэн мог положиться на свой персонал – что они явятся вовремя, начнут выполнение всех утренних программ, проверят все результаты ночной смены, и будут готовы ввести его в курс дела относительно текущего статуса эксперимента. Он шел, проверяя на ходу мессенджер на лацкане

рабочего халата, но – скорее по привычке. Сообщений не было. Отец – искусственный мужской голос огромной современной компьютерной системы, что контролировала жизнеобеспечение, исследовательскую деятельность и прочие важные системы гигантского «Возничего» – сообщил бы ему, если бы сообщения были.

«Отсутствие новостей – это хорошие новости».

Когда Перес позвонил ему, доктор Рэн подумал, что возникли неприятности, какие-нибудь проблемы с новым конструктором, но нет. Там оказались некоторые детали по работе, о которых Старик хотел его уведомить, чтобы быть уверенным, что его ведущий ученый в курсе. Прошло уже две недели без полуночных вызовов в лабораторию, так что Рэн порадовался внезапному скачку прогресса. Может, наконец-то они перешагнули порог.

Своим обычным быстрым шагом худой, лысеющий ученый приблизился к дверям лаборатории, едва обратив внимание на двух солдат в полном снаряжении, несших вахту. Для него они были невидимы, как часть интерьера – словно мебель или заклепки на пневматических дверях. Он знал, что солдаты менялись каждые четыре часа, но для Рэна все они были одинаковы – квадратные челюсти, взгляд в пространство перед собой, униформа цвета хаки, массивное оружие под рукой – скорее даже наготове. Черные, белые, смуглые, мужчины, женщины – все они выглядели для Рэна одинаково. Солдаты. Пехтура. Вояки.

Он и его персонал были докторами. Учеными. Начиная с наименее опытного техника и заканчивая им самим, его люди играли более важную роль: расширение знаний, развитие человечества, улучшение человеческого состояния. У солдат же, с точки зрения Рэна, назначение было одно – позаботиться, чтобы он и его персонал могли выполнять свои задачи. Формально все они – и солдаты, и ученые – являлись военными, но в понимании Рэна разница между ними была ясна.

Когда он достаточно приблизился, двери бесшумно открылись, пропуская его в главную лабораторию. Миновав двоих охранников, доктор рассеянно и слегка позабавившись отметил, что они не только выглядели одинаково, но еще и жвачку жевали в одном темпе. Как роботы. Нет, не как роботы. Роботы, на самом деле, были довольно индивидуальны... если бы еще существовали.

За его спиной двери закрылись так же беззвучно, как и открылись, и Рэн тут же забыл о солдатах. Как он и ожидал, его персонал был уже здесь – все на своих местах, все заняты научной работой. А эта лаборатория являлась идеальным местом для такой работы. Каждая часть оборудования, каждая программа, каждый человек – здесь все было лучшим. И полученные ими результаты оправдают затраты.

Рэн подошел к первой рабочей станции и посмотрел на бесчисленные мониторы, отметив быструю смену данных и зафиксировав в памяти прогресс, на который они указывали. Потом искоса посмотрел на доктора Карлин Уильямсон, и та слегка улыбнулась.

– Мы все еще не сбились с курса, – сказала она, польщенная вниманием начальника.

Он улыбнулся в ответ:

– Отличное начало утра, Карлин.

Направившись к следующей станции, он кивком поприветствовал докторов Мэтта Кинлоха, Йоши Ватанабе, Бриана Клаусса, Дэна Спрага и их аспирантку Триш Фонтейн. Кинлох показал ему поднятые вверх большие пальцы, что, как знал Рэн, означало положительную характеристику набора тестов, запущенных прошлой ночью. Рэн повторил этот жест и пошел дальше. Долей сознания он отметил, что одежда у него и его персонала выглядит похоже – брюки или военные штаны и вездесущие одинаковые лабораторные халаты, – и задумался: так же трудно Пересу отличать его людей одного от другого, как ему самому сложно с солдатами генерала, или нет?

Обойдя всех, и оставшись довольным тем, что все шло точно как ему того хотелось – на самом деле все было неправдоподобно хорошо, – доктор Рэн наконец-то позволил себе приблизиться к инкубатору.

Доктор Джонатан Гэдиман, молодой, темноволосый энергичный ассистент главного ученого, уже ждал своего начальника – он был настолько полон предвкушения, что Рэну подумалось, не начнет ли помощник пританцовывать. И за это Рэн своего протеже осуждать не мог. Все, что он успел увидеть за утро, свидетельствовало, что дело идет отлично. Но учитывая все неудачи, которые

случались до сих пор, Рэн ликование откладывал. Оставалось еще достаточно вещей, которые могли пойти не так.

– Ты меня дождался, – сказал он помощнику. – Я это ценю.

Гэдиман кивнул:

– Мне было чем заняться. Вы готовы ее увидеть?

Рэн подавил желание нахмуриться. Ему не нравилась тенденция Гэдимана персонализировать образцы. Это выглядело непрофессионально. Но Джонатан был таким отличным работником, настолько творческим и поглощенным экспериментом, что Рэн старался не обращать внимания на подобные оплошности.

– Конечно, – сказал он, – давай посмотрим на образец.

Гэдиман нажал клавиши в нужном порядке, и оба ученых уставились на поток данных, промелькнувший на маленьком экране наверху инкубатора. Высокий металлический цилиндр выровнял собственную температуру, и с его поверхности повеяло холодным воздухом. Внешний металлический корпус медленно, механически повернулся, после чего начал подниматься, уходя вверх, пока не достал до потолка, где и замер. Металлический футляр автоматически раскрылся, и взглядам открылась небольшая криогенная капсула около метра в длину и полметра в диаметре.

Рэн посмотрел на данные. На экране, постоянно обновляясь, появлялись данные о длительности и прогрессе инкубации, о компонентах химического медиатора роста, об электрической стимуляции клеток и тому подобное.

– Вот она! – тихо промурлыкал голос Гэдимана.

Его тон заставил Рэна посмотреть на ассистента. Глаза Гэдимана были широко раскрыты, а лицо выражало надежду молодого отца, впервые увидевшего своего новорожденного младенца. Это Рэну понравилось. Во многих отношениях это и было отпрыском Гэдимана. Гэдимана, Рэна, Кинлоха, Клаусса, Уильямсон – каждый человек в этой лаборатории являлся родителем образца, и Рэн поощрял

в своих людях подобающие чувства. Подобного рода собственническая гордость стимулировала их прикладывать больше усилий, творческое мышление и приверженность делу, каких не могло вызвать никакое жалование. Рэн улыбнулся.

– Посмотрите на ее лицо! – сказал Гэдиман с тем же гордым восхищением.

Рэн посмотрел на образец, плавающий в мутном геле, который питал клетки, побуждая их развитие. Поначалу, образец казался просто непонятной массой. Свернувшись в классической позе эмбриона – «И одно это свидетельствует о чуде научных достижений!», – он всплыл поближе к стеклу, позволяя Рэну увидеть то, на что указал Гэдиман.

Это было лицо ребенка, прелестной человеческой девочки, и Рэн ощутил, что его охватило то же волнение, что и помощника. Черты стали уже достаточно отчетливы и узнаваемы – не просто человеческое лицо, но с индивидуальностью! Крошечные локоны тонких детских волос плавали вокруг идеально сформировавшейся головы, придавая образцу неземной облик, словно у ребенка русалки. Рэн хлопнул глазами, отгоняя от себя фантазии. Его опытный взгляд охватил разнообразные трубки, кабели и сенсоры датчиков, прикрепленные к крошечному образцу. Все было строго на своем месте и выполняло свою работу – питало образец, обеспечивало необходимыми элементами, стимулировало рост и развитие с куда большей скоростью, чем изначально предполагалось природой.

Но на природу терпения у Рэна не было – слишком медленно, слишком много ошибок, и, разумеется, слишком много неожиданных сюрпризов. И сюрпризы природы его не интересовали ни в малейшей степени. Его работа заключалась в том, чтобы ускорять природу и изменять ее, подстраивая для своих нужд. И наконец-то начинало казаться, что ему это удалось. Он улыбнулся, и его пальцы коснулись стенок инкубатора почти с нежностью.

– Она прекрасна, разве нет? – тихо проговорил Гэдиман.

Рэн открыл рот, закрыл, и только кивнул в ответ.

– Этот вариант развивается куда лучше, чем мы могли надеяться.

Образец отплыл дальше, но Рэну показалось, что он заметил, как под веками вращаются формирующиеся глаза. Доктор даже задумался, способен ли образец уже различать свет и темноту. И чувствует ли он что-нибудь.

Неожиданно стало светло, и она отпрянула. «Тебя могут заметить при свете. При свете тяжелее прятаться». Ее тело свернулось в клубок. Теплая влажность вокруг убеждала в безопасности, но яркий свет пугал. Хаотичные образы проносились в ее меркнувшем сознании.

Холодный уют криосна.

Стремление защитить молодняк.

Сила и поддержка себе подобных.

Мощь ее ярости.

Влажное тепло и безопасность яслей.

Образы одновременно были бессмысленными и полными смысла. Она понимала их на том уровне, что лежал далеко за пределами сознания и познания. Они были ее частью, частью того, кем она была, чем она была. А теперь они стали частью того, чем она становилась.

Она плавала в желейном, уютном тепле, и пыталась спрятаться от света. И звуков. Мурлыкающие, отдаленные звуки где-то вне ее. Внутри нее. Они приходили и уходили, эти звуки – ничего не значащие и значащие всё.

Она снова услышала звуки внутри, и один – гораздо явственнее других. Тот самый, к которому она всегда прислушивалась. Тот самый, который она изо всех сил пыталась вспомнить. Она услышала шепот: «Моя мамочка всегда говорила, что монстров не бывает. Настоящих. Но они есть».

Если бы только она могла понять, что это значит. Может, однажды...

На одну секунду Рэн позволил себе надежду, позволил себе предвкушение. Будут газеты. Книги. Публикации. Награды. Это пока только начало.

Эмбрион плавал в наполненном гелем инкубаторе, и Рэну пришлось признать, что Гэдиман был прав. Он был красивым. Превосходный образец...

Сейчас он был повернут к Рэну спиной, и изогнутый хребет коснулся стекла. В этот момент доктор заметил то, чего раньше там не было.

– Ты это видел? – поинтересовался он у Гэдимана, стараясь говорить спокойно.

– Что?.. – пробормотал тот, после чего уставился на спину образца.

– Вот, – Рэн указал на четыре шишечки по обе стороны от хребта. – Это. Четыре штуки. Точно там, где должны быть спинные наросты.

Гэдиман, заметив их, нахмурился:

– Вы считаете, что у нее начинают развиваться отклонения?

Рэн покачал головой:

– Мы понаблюдаем. Это может означать очередную неудачу с эмбрионом.

– Нет!.. – задохнулся Гэдиман.

– Давай не будем предвкушать неприятности. Если нам повезет, то они могут оказаться всего лишь рудиментами. И в этом случае их можно будет удалить.

Гэдиман выглядел обеспокоенным, и часть его недавней радости куда-то улетучилась. Рэн похлопал его по спине:

– Это все еще значительно превосходит все образцы, что нам пока удавались. Я не теряю надежду. И тебе не следует.

Его помощник снова улыбнулся:

– Мы так далеко продвинулись, и она в прекрасном состоянии. Я надеюсь, что вы правы, доктор Рэн.

«Я тоже», – подумал Рэн, глядя на образец. Он надеялся, что это не очередная шуточка природы за его счет.

Месяцем позже Рэн и Гэдиман снова стояли перед инкубатором. Этот был куда больше первого – почти три метра в высоту и метр в обхвате. Образец, прежде плававший в старом инкубаторе, словно маленькая пробка, теперь вырос и развился настолько, что почти целиком заполнил собой все его пространство.

В лаборатории царила атмосфера предвкушения. Рэн не мог не отметить, что члены его команды часто подходят к инкубатору поближе, чтобы взглянуть на его содержимое, удивиться тому, чего достигли.

«Так много из столь малого. Древние образцы крови. Частички ткани, костного мозга, селезенки и спинальная жидкость. Рассеянная, разбитая ДНК. Пораженные клетки. И из всего этого – такое».

Образец развернуло, его волнистые темные волосы до плеч свободно плавали вокруг лица, время от времени закрывая привлекательные, характерно-человеческие черты. Его рука сжалась в кулак, потом расслабилась. Глаза под закрытыми веками двигались влево и вправо.

«Видит сны? Какие сны там могут сниться? Чьи это сны?»

Рэн посмотрел на показания инкубатора. Первый экран демонстрировал ЭКГ образца – сердцебиение было ровным, ритмичным, синусовая аритмия полностью соответствовала норме. Хорошо. Очень хорошо.

Он повернулся ко второму экрану. Если первый предназначался для взрослого образца женского пола – надпись крупными буквами гласила «НОСИТЕЛЬ», – то второй был обозначен словом «ОБЪЕКТ». И здесь демонстрировалась вторая ЭКГ. Это сердце билось куда быстрее, чем у носителя, с волнообразным рисунком, с ритмом, свойственным тахикардии. При этом оно было столь же крепким, как и у носителя. Здоровым.

Рэн улыбнулся. Он еще раз взглянул в лицо образца-носителя. Оно хмурилось. Если бы он был настроен более романтически, как Гэдиман, то подумал бы, что обладательница лица несчастна.

«Чьи сны ты видишь? Собственные? Или твоего симбионта? Хотелось бы мне знать...»

Доктор Джонатан Гэдиман не мог поверить своей удаче. Доктор Рэн на самом деле собирается доверить провести операцию ему. Стоя в прохладной стерильной комнате, в стерильной одежде, с чисто вымытым телом и в полной готовности, он возился с хирургическим визором, прилаживая его на место. Рядом стоял доктор Рэн – наготове, в соответствующей одежде, в предвкушении и взволнованный. Доктор Дэн Спраг тоже был здесь. Когда Рэн сделал объявление, Дэн рассыпался в поздравлениях, и его искренние добрые пожелания немного помогли Гэдиману справиться с нервной дрожью. Хотя бы частично.

Визор неконтролируемо сфокусировался, и Гэдиман коснулся управления. Прибор позволит ему автоматически пользоваться любым вариантом обзора, какой только потребуется – от бинокулярного зрения на дистанции до микроскопии, при которой он сможет рассматривать ткани вплоть до клеточного уровня. Глубоко вдохнув, он попытался успокоить нервы. И едва не подпрыгнул, когда Спраг промокнул ему лоб стерильной тканью.

– Полегче, приятель, – поддразнил Дэн. – Ты потеешь, как собака.

Гэдиман кивнул, отвлеченно подумав: «Собаки не потеют». Моргнув, он сосредоточился. Если бы только Рэн не стоял так близко. Даже без визора Рэн заметит самую крошечную оплошность, малейшую ошибку. Впрочем, как и Спраг.

«Охолони, Гэдиман, – сказал он сам себе. – Это же не первая твоя операция! И это простая процедура. Ты похожие уже миллион раз проделывал».

Да, но только не здесь. Не на этом образце.

«Не на Рипли».

«Образец» – это было словечко Рэна, но сам Гэдиман перестал так о ней думать, еще когда она была всего лишь микроскопическим комком из восьми идеально сформированных клеток.

Он повернул голову и позволил себе посмотреть на нее – по-настоящему посмотреть. За толстыми и прозрачными стенками закрытой хирургической капсулы, что отделяли Рипли от медперсонала, ее дыхание было нормальным, хотя и замедленным, и под воздействием анестезии она спала. Лежа на столе, она выглядела расслабленно, – веки опущены, волевая челюсть не напряжена, губы слегка раскрыты. Не считая разнообразных катетеров и сенсоров, украшавших ее тело под тончайшими хирургическими пленками, она выглядела так же привлекательно, как Спящая Красавица, ждущая поцелуя своего принца. Гэдиман облизнул губы.

«Она выглядит нормально. Высокая, привлекательная молодая женщина. Даже амниотический гель и голубоватый оттенок кожи этого не меняют».

Он был так горд за нее.

Она прошла через столь многое, и уже многого достигла. А теперь настал ее величайший миг – если только он, Гэдиман, не облажается.

Доктор подошел к панели инструментов, просунул до плеч руки в перчатках в хирургические раструбы. Рэн и Спраг встали по бокам, наблюдая. А вокруг отгороженной операционной, за защитными прозрачными стенками, столпились остальные. Каждый из них инвестировал в этот проект.

Пальцы Гэдимана скользнули в чувствительные перчатки хирурга, и он ощутил, как оборудование подстраивается под его параметры, охватывая кисти и предплечья. Он слегка пошевелил руками, чтобы убедиться, что все работает правильно. Затем осторожно поиграл с управлением, наблюдая, как в ответ оживают разнообразные манипуляторы в операционной.

– Я готов, – объявил он собравшимся, и проверил показания. Все выглядело хорошо: мозговая активность, дыхание, частота сердечных сокращений.

Он передвинул лазерную пилу в нужную позицию над грудиной.

– Помни, – тихо сказал Рэн ему практически на ухо, – делай все медленно. По этапу за раз. И я – рядом.

Он планировал этим подбодрить Гэдимана, но эффект слова оказали прямо противоположный.

Гэдиман активировал лазер и повел яркую прямую линию так, чтобы разрез прошел от средней части грудины к пупку. Он глянул на показания датчиков Рипли. Анестезия не была глубокой, и он хотел быть уверен, что она ничего не чувствует.

– Я слежу за этим, – тихо сказал Спраг, и снова промокнул ему лоб. Анестезия была ответственностью Дэна. И Гэдиман ему доверял, но...

Первоначальный надрез был готов. Гэдиман прицепил механические зажимы к коже, и чуть развел их в стороны. Лазер аккуратно сделал новый разрез между мускулами фасции, прямо по белой линии живота. Затем пришла очередь брюшины. За считанные мгновения Гэдиман закончил. Кровотечение было минимальным, потому что лазер прижигал ткани. Разрез выглядел хорошо.

– Великолечно, – выдохнул Рэн. – Так, теперь ставь на место резервуар. Осторожно... Будь готов к амнио...

Но Гэдиман действовал быстрее. Он уже подал сигнал, чтобы прибыл маленький инкубатор, наполненный амниотической жидкостью, и теперь наблюдал, как тот механически опускается на место у распростертого тела Рипли, устраиваясь рядом с ее талией. Хирург чувствовал, как в комнате нарастает напряжение, пока крошечный сосуд беззвучно проследовал к пункту назначения, замер, а затем он медленно поднял крышку.

– Хорошо, – проговорил Рэн. – Хорошо. Мы готовы.

Гэдиман прикусил губу. Затем сделал движение правой рукой.

Специальный механический зажим с подушечками, повинаясь его управлению, выдвинулся на позицию и осторожно проник в разрез, исчезнув внутри Рипли. Гэдиман повернулся к мониторам с показаниями, чтобы проследить движение зажима внутри его пациентки. Управлял зажимом он осторожно и умело.

Бисеринка пота потекла у него по лбу, скатываясь к визору, но Спраг был бдителен – он промокнул влагу, в попытке сдержать обильное, несмотря на прохладу, потоотделение у хирурга, вызванное нервами. Тот же, благодаря работе биосенсоров, следил за зажимом и цветным изображением внутренностей его пациентки. Он улыбался.

– Вот она, – довольно пробормотал Гэдиман.

Награда. Цель всей их работы.

Он осторожно сжал зажим, хотя Рэн без нужды шептал:

– Тише! Тише!

– Она у меня, – промурлыкал Гэдиман, пока он медленно извлекал зажим из тела Рипли.

Все взгляды были прикованы к разрезу в брюшной полости, из которого появился зажим. В его мягком захвате свернулось крошечное, заляпанное красным эмбрионоподобное существо – детали нельзя было рассмотреть из-за крови и соединительных тканей его матери.

– Показания хорошие, – сказал Рэн, изучая биопоказатели паразита.

– Здесь тоже, – откликнулся Дэн, докладывая о состоянии Рипли.

Гэдиман смутно осознавал, что остальные подходят ближе к стеклу, напрягают зрение, чтобы разглядеть получше. Никто не говорил, но все взгляды сфокусировались на этом маленьком комочке.

– Я их разъединяю, – сказал Гэдиман.

– Давай, – согласился Рэн.

Хирург активировал другое устройство, которое обрежет и прижжет каждый из шести похожих на пуповину отростков, которые привязывали крошечного чужого к его носительнице. Хирург манипулировал режущим инструментом быстро, умело, решительно... Четыре, пять, шесть! Дело сделано.

Существо внезапно дернулось и развернулось, словно окончательное отделение от матери подсказало ему, что пришла пора начать собственную жизнь. Пора дышать. Пора расти. Пора двигаться.

Оно корчилось, извивалось в мягком зажиме, хлестало хвостом, и, наконец, раскрыло крошечные челюсти в беззвучном крике.

– Проклятье! – не сдержался Спраг при виде бурного протеста крошечного комочка.

– Осторожно! – по-деловому велел Рэн. – Не выпусти его. Помести в контейнер.

Гэдиман кротко кивнул, зная, что держит существо надежно, хотя оно бесплодно боролось и дергалось в зажиме. Он опустил его в амниоконтейнер и не отпускал до тех пор, пока крышка почти не закрылась. Тогда хирург выпустил существо и выдернул зажим одним быстрым движением, так что крошечный чужой остался внутри надежного и защитного инкубатора.

– Прекрасно! – воскликнул Рэн. – Прекрасная работа, Гэдиман.

Он сжал плечо подчиненного, поздравляя.

Хирург выдохнул, а Спраг снова промокнул ему лоб. Гэдиман чувствовал, как расслабляется его тело, и только теперь понял, насколько был напряжен.

– Спасибо, доктор Рэн.

Они все следили за тем, как маленький инкубатор – существо яростно плавало внутри в поисках выхода – исчез из операционной тем же путем, каким и попал в нее. Кинлох и Фонтейн сопровождают его к стационарному инкубатору,

и проследят, чтобы существо не подверглось опасности.

Гэдиман оглядел аудиторию, увидел, что остальные ему улыбаются, а Кинлох показывает ему поднятый вверх большой палец руки. Он улыбнулся в ответ. Затем, наконец-то, повернулся обратно к Рипли и, стянув с себя визор, нерешительно посмотрел на Рэна.

– Ну?.. – он указал на Рипли, все еще спящую в операционной.

– Носитель? – переспросил Рэн, не глядя на нее.

Гэдиман взглянул на показания.

– Ее ЭКГ в норме... Она в порядке.

Он оборвал себя, сообразив, что спорит ради нее. Рэн и так уже считает, что его интерес к данному образцу не профессионален. Нужно следить за тем, что говоришь – начальник еще не решил ее судьбу. Гэдиман в напряжении ждал ответа.

Рэн посмотрел на мониторы, взглянул на Рипли. Наконец, он сказал:

– Зашей ее снова.

Гэдиману пришлось сдержаться, чтобы не промямлить «Спасибо!». Он знал, что у Рэна, как у ведущего ученого, было полное право уничтожить образец. Но по какой-то причине, Гэдиман не мог с этим смириться. Это было бы такой растратой! Особенно, после всей проделанной работы.

– Дэн, – обратился Рэн к их помощнику, – заштопай ее, а? Думаю, нашему коллеге на сегодня хватит волнений.

Гэдиман улыбнулся, и кивнул Дэну.

– Разумеется, – согласился Спраг. – С радостью.

Гэдиман на автомате еще раз взглянул на показания. Анестезия, дыхание, частота сердечных сокращений – все выглядело хорошо. Он позволил Рэну утащить себя прочь.

– Что ж, – сказал Гэдиман, позволяя своему волнению прозвучать в словах, – все прошло настолько хорошо, насколько можно было ждать.

– О, даже лучше, доктор, – с уважением ответил Рэн. – Куда лучше.

Нечто велело ей проснуться. Она это проигнорировала. Как только она проснется, все сны станут реальностью. Как только она проснется, она снова начнет существование, а в небытии наконец-то был покой. Ей было жаль, что он может подойти к концу.

Нечто велело ей проснуться. Она воспротивилась.

Медленно, она обратила внимание на смутное ощущение. На нечто вне ее. Нечто, происходящее с ней. Нечто, что у нее забрали.

Нечто, от чего она хотела избавиться?

Она не могла вспомнить.

Несмотря на холод, несмотря на яркость, она открыла глаза.

Она видела все, происходящее вокруг нее, превосходно видела. Но она ничего из этого не могла понять. Странные металлические и пластиковые конструкции быстро двигались вокруг нее, сжимали края зияющей раны в ее груди, пока другое устройство запечатывало рану. Она отметила ощущение, какую-то легкую боль, которую было несложно игнорировать. Ее взгляд блуждал, пока она собирала информацию.

Потом она сообразила. Оно исчезло. Они забрали его у нее. Ее молодняк. Часть ее ощутила невероятное облегчение. Другая часть чувствовала чудовищный гнев. Она колебалась между ощущениями, не понимая их, но просто испытывая эмоциональные качели, пока сама она лежала совершенно неподвижно, следя за

хирургическим оборудованием.

Две механических руки, сообразила она, были как-то физически соединены с одним из существ, что смотрели в странный, прозрачный яйцеобразный контейнер, в котором она находилась. Эти существа ее окружали, и все смотрели на нее, полагая, что она беспомощна. Руки двигались, выполняя свою работу, осуществляя свои задачи, о которых она не просила, которых не хотела и не понимала.

Она наблюдала, как существо управляет руками, наблюдала, как оно внимательно на нее смотрит. Не испытывая ни гнева, ни облегчения, она быстро потянулась, и схватила за предплечье существо, отгороженное от нее оболочкой контейнера. С отстраненным любопытством и со средним усилием она вывернула руку, просто желая увидеть, что произойдет.

Оказалось любопытно. Существо тут же перестало причинять ей боль. Это было хорошо. Она выкрутила дальше, и раздался странный хруст, а потом последовало какое-то скрежещащее ощущение в пойманной части существа внутри искусственной руки. Еще более любопытной оказалась реакция всех существ снаружи прозрачного «яйца». То, что крепилось к руке, яростно дергалось и молотило по стенкам капсулы свободной рукой, а его рот широко раскрывался, словно оно собиралось ее укусить. Как забавно. Она задумалась, производит ли оно звуки. Странная яйцеобразная капсула, в которой она находилась, кажется, не пропускала никаких звуков, потому что слышала она только собственное дыхание.

Она моргнула, и выкрутила руку снова. Больше трепыханий, больше корч. И теперь все больше и больше существ бегало вокруг пойманного – они хваталось за него, шевелили своими крошечными, бессмысленными ртами, раскрывая и закрывая их, и размахивали руками. Столько волнения.

Одно из существ отпихнуло прочих в сторону, посмотрело на нее вниз. Оно дико таранилось, его крошечные глазки раскрылись так широко, как могли. Потом оно шлепнуло по каким-то устройствам по ту сторону яйца, сделало что-то, чего она не могла увидеть, и внезапно она ощутила, что ее глаза слипаются.

Ей было жаль. Она не хотела спать. Ей хотелось смотреть на существ. Узнать о них все, что можно. А еще больше ей хотелось выбраться отсюда... Но сон

похитил ее сознание прежде, чем она успела разволноваться.

За секунды сверкающая, стерильная операционная от ликующего осознания успеха низверглась к хаосу. Рэн услышал жуткий хруст и скрежет костей Дэна Спрага с расстояния десяти футов, где он с Гэдиманом обсуждал зародыш Чужого. А крики Дэна, наверное, слышала вся станция.

Стерильный отсек тут же наводнили все доступные члены команды, солдаты и другие наблюдатели, и каждый из них нарушал все предписания, которые должны были неукоснительно соблюдать. А еще никто из них не мог освободить Спрага из хватки образца-носителя.

Это было беспрецедентно. Это было неожиданно. И волнующе!

Рэн протолкался вперед, где он мог видеть носительницу и ее жертву и взять ситуацию под контроль. Все выкрикивали противоречивые приказы, а Дэн просто кричал...

...а она просто лежала там, под своими покровами, ее рана была только частично зашита, а ее лицо – столь же бесстрастно, как у сфинкса, когда она умышленно выкрутила руку Дэна.

Рэн схватился за управление анестезией, радикально увеличивая дозу.

К нему подскочил Гэдиман, в панике за свою любимицу.

– Не убивайте ее, доктор Рэн, прошу вас, не убивайте ее!

«Не умоляй, Гэдиман, – с отвращением подумал Рэн. – Это не профессионально».

Носительница лениво моргнула, но все еще не выпускала доктора Спрага. Ее глаза двигались, и она словно заинтересовалась Рэном. Она смотрела прямо на него, в него, сквозь него. Он ощутил мороз по коже. Затем ее веки медленно опустились, и через несколько секунд ее хватка ослабла.

Клаусс и Ватанабе тут же уложили Дэна на носилки, и Ватанабе быстро и со знанием дела обследовал серьезно переломанную руку. Кости в нескольких местах проткнули кожу и стерильное одеяние. Рука была так изуродована, что кисть оказалась повернута под совершенно неестественным углом. Кровь толчками вытекала из ран, пятнала чистую стерильную одежду и расплескивалась по полу. В стерильной комнате, где доминировали нейтральные тона и сверкающий белый, ярко-красная кровь выглядела шокирующе.

«Он, хотя бы, был стерильным, – подумал Рэн. – Мы должны будем избежать инфекции несмотря на то, что все эти люди нарушают стерильность комнаты». Он был доволен тем, что Ватанабе принял на себя ответственность. До того, как перевестись сюда, он специализировался в ортопедии.

Молодой доктор поднял взгляд от своего извивающегося пациента.

– Доктор Рэн, я бы хотел доставить Дэна в операционную «С» и немедленно его подготовить.

– Давай, Йоши, – одобрил план Рэн. – Бриан и Карлин могут ассистировать. Тебе нужен еще кто-нибудь?

– Нет, так будет нормально, – заверил его Ватанабе и дал сигнал солдатам вынести носилки со Спрагом из комнаты. Все, кроме Гэдимана, последовали за ними. Тот повернулся к автоматическим манипуляторам, которые, несмотря на беспорядок вокруг, эффективно зашивали рану носительницы. Рэну это понравилось.

Но Гэдиман выглядел тревожно. Рэн даже задумался, не оказалась ли шокирующая жестокость нападения носительницы тем, что подчиненный не мог вынести.

– Ты в порядке? – поинтересовался Рэн. В операционной снова стихло – тут снова установилась нормальная стерильная атмосфера. Только абстрактный кровавый узор указывал на произошедшее.

Гэдиман резко кивнул. Он завершил операцию, убрал инструменты. Носительница спала, пока ее хирургическая капсула автоматически заменилась

надежным восстановительным отсеком.

– Я в порядке, – настаивал Гэдиман, несмотря на дрожь в голосе. – И... и я благодарен, доктор. Я ценю то, что вы не подвергли ее эвтаназии. Я думаю, что это был всего лишь несчастный случай...

Рэн отвлекся от носительницы, и обратил внимание на своего протеже.

– В этом не было ничего несчастного, Гэдиман. Дэн поправится. А мы теперь знаем о носительнице нечто, чего не знали прежде. Нечто, чего мы не могли предвидеть. Неожиданная... выгода.

Он улыбнулся Гэдиману, понимая, что его волнение по поводу неожиданного результата очевидно, и наблюдал, как его помощник медленно осознает, что отношение Рэна к носительнице радикально изменилось. Мгновенно Гэдиман осознал, что Рэн теперь считал носительницу не обузой, а преимуществом. Гэдиман долго возражал против того, чтобы уничтожить образец, но Рэна интересовала только информация, которую можно было извлечь из трупа. Теперь же Рэн стал его союзником, а не оппонентом в плане того, как решить судьбу носительницы.

Вздыхнув, Гэдиман расслабился, и широко улыбнулся Рэну.

– За несколько следующих дней мы узнаем больше, – сказал тот. – И о носительнице, и об объекте. Это будут весьма интересные дни, как думаешь, Гэдиман?

Его помощник просиял:

– О да, доктор, весьма.

Она сжалась в темноте, стараясь стать меньше, и оценила окружающую обстановку. Во всяком случае, сейчас она наконец-то достаточно проснулась,

чтобы это сделать. Свет был минимален, но это ей не мешало. Она видела все, что нужно. Пространство, где она находилась, было достаточно просторным, чтобы встать и потянуться, и даже пройтись, но ничего из этого она не сделала. И не станет делать, пока не выяснит больше. Она дышала медленно, тихо, сохраняла свое положение и оценивала.

В камере было пусто, не считая ее саму. Не было ни воды, ни одежды, ни мебели, ничего из того, что она могла бы использовать во вред себе или остальным. Она была накрыта тонкой белой материей, оставшейся еще из операционной.

В потолке камеры имелось маленькое окошко, и вдруг над ним прошла тень, от чего она напряглась. Она не шевелилась, не дышала, но все внимание сосредоточила на обладателе тени. Показались ботинки, несколько секунд постояли возле окошка, затем тихо ушли. Значит, за ней наблюдают. Об этом полезно знать.

Долгие минуты спустя, когда она уверилась, что ноги в ботинках не вернутся, она занялась оценкой собственного состояния. Ее разум все еще был медлителен после долгого сна, после операции.

«Операция. Почему меня оперировали? Я была больна?»

Она отложила вопросы в сторону. Они только путали. Она подождет, и будет надеяться, что узнает больше. Ее лицо зудело. Она коснулась его, легонько поскребла. Ее кожа, все еще влажная и нежная, облезала широкими лохмотьями. Кожа под ней ощущалась более крепкой, более сухой. Она осторожно ободрала с себя длинные шелушащиеся полосы. Это было приятно.

Занимаясь этим, она снова обнаружила шрам, идущий через грудь. Ее пальцы пробежали по идеальной, ровной линии. Кожа там была чувствительна, но не слишком. Подняв ткань, она уставилась на рану. Шрам ее тревожил, но она не могла сказать, почему.

Ведя ногтем по линии шрама, она отвлеклась на собственную руку и вытащила ее из-под ткани. Что-то странное было с этой рукой, что-то непривычное. Она взглядела в конические, элегантные пальцы – всего пять! – и, наконец-то, в ногти – длинные, крепкие и чрезвычайно острые. Они выглядели странно, но это были ее собственные ногти. И все же, ей казалось, что она никогда прежде

их не видела. Словно, они сюда не подходили.

Встревожившись из-за причин, которых сама не могла назвать, она сунула один ноготь в рот и пожевала, пытаясь укоротить его, отгрызть. Но он не поддавался – во всяком случае, не зубам.

Грызя ноготь, она заметила что-то темное на внутренней стороне предплечья возле локтя. Она тут же забыла про ногти и вытянула правую руку, чтобы ее рассмотреть. На коже была отметина. Она нахмурилась, пытаясь вспомнить.

«Это цифра. Цифра восемь».

Пока она смотрела на цифру, пытаясь понять ее смысл, послышалось слабое жужжание. Крошечный, летающий организм неожиданно сделал круг вокруг ее головы, отвлекая. Она удивленно смотрела на то, как он ее изучает, пока она изучает его.

Опустившись ниже, организм сел на внутреннюю поверхность ее руки, рядом с татуировкой. Она терпеливо и с любопытством наблюдала. Что это такое? Что оно может делать?

Осторожно, она приподняла руку, чтобы лучше видеть.

У крошечного организма были длинные тонкие ноги, элегантные крошечные крылья и длинное жало. Вспомнилось название.

«Комар!»

Она почти улыбнулась воспоминанию, настолько оно было четким. Это было насекомое. Комар. Она смотрела, как он балансирует на ее руке, словно танцор.

Насекомое медленно погрузило жало в плоть ее руки и сделало это так аккуратно, что она ничего не почувствовала. Процесс так захватил ее, что она следила за ним с болезненным удивлением ребенка. Брюшко насекомого начало наполняться.

«Моей кровью! Он сосет мою кровь!»

Пока она смотрела, как существо пьет, в ее мозгу начала всплывать давно забытая информация о насекомом.

Затем, за считанные секунды, насекомое начало меняться. Его раздутое брюшко стало усыхать, прозрачные крылья свернулись, изящные ноги танцора подогнулись, словно оно таяло изнутри. Через мгновение оно превратилось в высохшую черную оболочку.

Она моргнула, решив, что трансформация любопытна, но не более. Подув на руку, избавилась от тельца, и больше о нем не думала. Глянув на смотровое окошко, она стала ждать следующего появления ног в ботинках.

3

– Имя? – спросила стюардесса, глядя в список.

– Пурвис, – автоматически ответил мужчина. – Ларри. Идентификационный код – двенадцать, семь, сорок один.

Он протянул ей чип. Стюардесса взяла его, вставила в ручной сканер, подождала, пока информация отобразится на экране. Затем улыбнулась, и доброжелательно кивнула:

– Все верно. Добро пожаловать на борт, мистер Пурвис.

Невысокий, стройный человек улыбнулся ей в ответ. «Мистер Пурвис». Ему это понравилось. Корпорация «Кзарем» назойливо рекламировала себя как самую первоклассную организацию, и пока так оно, кажется, и было. Стюардесса махнула ему, чтобы он шел внутрь, а она могла бы заняться женщиной, стоящей в очереди за ним, так что он пошел вперед, следуя указателям к капсулам криосна. Корабль был маленький, и использовался только для транспортировки, так что даже команда отправится спать, когда они лягут на курс и выйдут из Солнечной системы.

Что ж, Пурвис не возражал из-за отсутствия развлечений на борту. Если верить брошюрам, которые и убедили его подписаться на эту работу, все удобства ждут его на этом никеледобывающем заводе на Кзареме. В честь компании целую чертову планету назвали. До момента, пока они не начали разработки, вместо имени был только номер. Пару месяцев подремать, и он на месте. Новая карьера. Все заново. Неплохо для парня среднего возраста.

И он не будет раздумывать о жизни здесь, на Луне, о том, что оставляет позади. Два года Пурвис потратил на то, чтобы залатать прорехи в отношениях с женой – безуспешно. Его дети выросли и живут сами по себе – пришло и ему время собой заняться. И это совсем не так, как если бы он вступил во Французский Иностранный Легион! Условия на Кзареме будут самыми лучшими.

Удивительным образом его вдруг захлестнула волна одиночества. Пурвис потрянул головой. Пришло время с этим покончить. Надо двигаться вперед. Это сработает. Это – новое начало. Новое будущее.

На Кзареме он сможет заниматься тем, на что на Луне у него не было шансов. Он увидит что-то новое. Получит новый опыт. Может, даже сумеет еще раз влюбиться. Он еще достаточно молод... глядишь, еще другую семью заведет.

Сосредоточившись на этой полной надежды мысли, он забрался в криокапсулу, на табличке которой значилось его имя. Вдоль рядов горизонтальных контейнеров для сна шел стюард, проверяя оборудование, состав препаратов и настройки компьютеров. Четко и аккуратно. Пурвису это понравилось.

Он пристроил свою сумку в отделение внутри капсулы, и устроился на удобных подушках. Зазвучала тихая музыка, чтобы он расслабился, а мягкий женский голос рассказал о том, что ожидает его на Кзареме. Пурвис улыбнулся и закрыл глаза в ожидании, пока холодный мороз криосна примет его в свои объятия.

Это только начало величайшего приключения в его жизни.

Гэдиман закончил выслушивание, пока Рипли тихонько сидела на столе для обследований. С тех пор, как они забрали ее из восстановительной камеры, она олицетворяла собой безмятежное сотрудничество. Поскольку она была образцовой пациенткой, Гэдиман отослал вооруженного охранника, который

маячил над ними – так у Рипли хотя бы было личное пространство во время осмотра. Разумеется, снаружи наготове все еще стояли двое солдат с оружием.

Несмотря на то, что не было и намека на жестокость, которую она продемонстрировала во время вчерашней операции, Дэн Спраг, выздоравливающий в своих комнатах, отказался от приглашения Гэдимана встретиться с Рипли сегодня утром. Остальные отреагировали похоже, когда узнали, что ее приведут сюда амбулаторно и в сознании, и поспешили убраться. Ну и отлично. У всех них, в конце концов, было чем заняться. К тому же, Гэдиман ее не боялся. Он был ею очарован. И был благодарен за то время, которое мог провести с ней наедине, изучая ее, узнавая о ее способностях и возможностях.

«Ты – всего лишь современный доктор Франкенштейн, не так ли Гэдиман? А это – твоя невеста...»

Обойдя Рипли сзади, он чуть развел в стороны разрезанное на спине больничное одеяние и осмотрел четыре диагональных шрама по обе стороны от позвоночника. Разрезы были точными и аккуратными – напоминание о деформированных спинных рогах, которые пытались отрастить ее тело. Удалить их было задачей Рэна, и справился он с ней великолепно. К счастью, рога были всего лишь рудиментами, совершенно бессмысленными, так что их удаление не помешало развитию организма.

Гэдиман сделал полный круг и встал перед ней, отдавая себе отчет, что все это время Рипли не переставала следить за ним, даже когда он находился позади нее. У него осталось впечатление, что она все время на чеку, полностью готова... для чего-то. Ему хотелось облегчить ее тревоги, в чем бы они ни заключались.

– Рипли, – тихо сказал Гэдиман тем самым «голосом доктора», который он однажды использовал на детских образцах из другого эксперимента, – я собираюсь взять у тебя немного крови. Игла чуточку уколёт, но в остальном ничем тебе не повредит.

Она просто смотрела на него, никак не реагируя. Он двигался медленно, так, чтобы она могла все видеть, и чтобы он ничем ее не напугал.

«Это больше похоже на работу с большой кошкой из джунглей, чем на работу с ребенком. У нее только глаза двигаются, а тело неподвижно, на взводе. Мне

почти хочется, чтобы у нее был хвост, которым она могла бы бить из стороны в сторону – это бы указало на то, в каком она настроении».

Он медленно наложил жгут, затем взял специальный шприц, иглу и пробирку для собранной крови. Все это было сделано по старинному образцу, но с использованием ультрасовременных материалов космической эпохи. Гэдиман осторожно ввел иглу и тут же подставил под нее резервуар, чтобы ни капли крови не пролилось зря. Прозрачная трубка быстро наполнилась темно-красной пенящейся жидкостью. Рипли ни разу не дернулась и наблюдала за процессом с той же спокойной отстраненностью, которую демонстрировала все утро.

Едва Гэдиман закончил процедуру и извлек иглу из ее руки, он услышал голос Рэна.

– Ну-с, как сегодня поживает наш Номер Восемь? – поинтересовался главный ученый, глядя на планшет с полной информацией о состоянии Рипли. Был ли еще какой-нибудь живой организм, за которым следили бы столь пристально? Гэдиман в этом сомневался.

– Похоже, что в добром здравии... – заверил его подчиненный, надписывая трубку и убирая ее в специальную стойку.

– Насколько добром? – уточнил Рэн.

Гэдиман не смог скрыть улыбку:

– Исключительно! Словно... совершенно превосходя все наши ожидания!

Он глянул на Рипли, гадая, каким она видит Рэна, но выражение ее лица и отношение к происходящему так и не изменились, хотя теперь все ее внимание было направлено на старшего ученого. Она, не мигая, всматривалась в него прищуренными глазами – совершенно без эмоций.

Двигаясь осторожно и проявляя уважение, Гэдиман приспустил ее одеяние на груди, чтобы Рэну было видно:

– Взгляните на шрам! Видите рецессию?

Рэн уставился на место разреза. Будучи доктором, он не обратил внимания на ее красивые обнаженные груди – вместо этого он смотрел на линию между ними. И не верил своим глазам.

– Это?..

– Со вчера! – Гэдиман практически ликовал.

– Это хорошо, – Рэн выглядел довольным. – Это очень хорошо.

Гэдиман кивнул, словно ребенок. Он отлично знал, что Рэн никогда за всю свою жизнь не видел подобной регенерации тканей.

Рэн сделал шаг в неподвижной женщине, пока Гэдиман вернул ее одеяние на место, и завязывал тесемки на шее, восстановив этим ее благопристойность. Главный ученый улыбался Рипли, словно стараясь ее подбодрить, но по его поведению Гэдиман мог сказать, что тому никогда не приходилось работать с пациентами – экспериментальными, или обычными.

– Ну-ну-ну, – покровительственно протянул Рэн, – похоже, что ты заставишь всех нас очень гордиться...

Рука Рипли метнулась вперед со скоростью бросившейся змеи и вцепилась в его горло. Голос Рэна оборвался на полуслове.

Прежде, чем Гэдиман успел сообразить, что происходит, Рипли уже соскочила со стола, протащила сопротивляющегося доктора через комнату и грубо впечатала его в стену. Лицо Рэна было пунцовым, он не мог вздохнуть. Гэдиман, раскрыв рот, дикими глазами смотрел на то, как женщина, которая спокойно сидела, словно манекен, в течение всего физического осмотра, вдруг проявила такую агрессию. Сжимая горло Рэна одной рукой, она с минимальным усилием подняла мужчину над полом. Гэдиман замер от ужаса, а Рэн уже посинел – его губы растянулись в жуткой гримасе, а пятки бессмысленно молотили по стене. Теперь Рипли душила его уже двумя руками, а он вцепился в ее руки в бесплодных попытках освободиться.

Глаза Рипли больше не были равнодушными. Они были широко раскрыты, горели огнем, и в них сверкало бешенство. Гэдиман только и уставился на нее, когда она произнесла свое самое первое слово:

– Почему? – потребовала она ответа у доктора, которого убивала.

– О, боже мой!.. – выдохнул Гэдиман, будучи в такой же панике, как и задыхающийся Рэн.

«СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ!» – верещал внутренний голос, и хирург крутнулся на месте в поисках чего-нибудь, пытаясь вспомнить... «СИГНАЛ ТРЕВОГИ!» Он с размаха шлепнул по красной кнопке на противоположной стене.

Звук словно придал Рэну сил; он боролся отчаянно и, наконец-то, освободился из захвата. Доктор тяжело упал, и попытался отползти в сторону, но Рипли прыгнула на него, словно кошка, играющая с мышью и уже настроившаяся на обед. Ее длинные ноги обхватили Рэна тисками, вытесняя воздух у него из легких, а руками она прижала его плечи к полу. В жалких попытках убежать, Рэн царапал пол. Ревели клаксоны, вспыхивал свет, но Рипли ничего этого не замечала, а продолжала выдавливать жизнь из своей жертвы. Сосредоточенно. Хищно.

Распахнулись пневматические двери, внутрь вбежали охранники. Один из них, на чьем шлеме значилось «Ди’Стефано», подбежал к женщине и навел на нее оружие.

– Отпусти его! – проорал Ди’Стефано – его пушка была наготове, и держал он ее крепко. – Освободи его или я стреляю!

«В упор! – в ужасе подумал Гэдиман. – И эта штука у него включена на всю мощность. Этого хватит, чтобы оглушить носорога. Он убьет ее...»

Он переводил взгляд с Рипли на посиневшего Рэна и обратно.

«Ее нужно остановить, но!..»

Рэн дергался все слабее.

– Я сказал – отпусти его! – снова завопил Ди’Стефано, но его голос был тверд. Его напарница действовала в полном с ним согласии, явно намереваясь делать так же.

Рипли посмотрела через плечо на вооруженного мужчину и его партнершу, ее лицо потеряло выражение, и она снова превратилась в бесстрастный манекен. С полсекунды никто не двигался, и палец Ди’Стефано на спусковом крючке неуловимо напрягся. Затем женщина почти небрежно разжала руки, словно она потеряла к Рэну интерес, и слезла с него. Ученый скорчился на полу, пытаясь вздохнуть.

Гэдиман посмотрел на старшего ученого – ему хотелось подойти, оказать первую помощь, убедиться, что она не сломала ему гортань или ребра, но он боялся шевельнуться, боялся, что от его движения Рипли снова впадет в неистовство, или что солдаты откроют огонь.

Рэн наконец-то сделал резкий вдох, и цвет его лица быстро сменился с синего на красный. Он отчаянно и с благодарностью заглатывал воздух.

Ди’Стефано смело двинулся вперед, отпихнул поднявшуюся на ноги Рипли на середину комнаты.

– На пол! Лицом вниз! Быстро! – приказал он – все так же крича, все так же хладнокровно.

Она осталась стоять на месте будучи того же роста, что и он, и вызывающе уставилась ему прямо в глаза.

Он выстрелил в упор. Электрический заряд отбросил ее на оборудование и лабораторные образцы.

– НЕТ! – услышал Гэдиман собственный крик – голос звучал высоко и пронзительно, как в истерике. Неужели этот тупой солдафон ее убил?

Оба солдата подошли к распростертой женщине – ее конечности были согнуты, бесполезны. Но они были готовы выстрелить снова – чтобы убить.

Прежде чем Гэдиман смог что-нибудь сделать, Рэн поднялся на колени и махнул солдатам. Его голос звучал хрипло:

– Нет! Нет! Я в порядке! Отойдите...

«Слишком поздно! – подумал Гэдиман, едва не плача. – Слишком поздно! Вся проделанная работа. Теперь, она умерла. Умерла, или ужасно покалечена...»

Рипли застонала, медленно перекатилась на спину и, задыхаясь, оглядела комнату, словно никогда не видела ее прежде.

Каким-то образом, ее взгляд нашел Гэдимана и остановился на нем. Изумленный доктор смотрел на нее в ответ. Она до сих пор функционирует! Ее разум работает! И это после разряда такой силы!

Она не отводила глаз от Гэдимана, а потом пробормотала только одно слово:

– Почему?..

Гэдиман услышал ее тихий вопрос через всю комнату и ощутил укол страха. Что произойдет, когда она узнает?

Тайком, она снова попробовала путы на прочность. Те держали надежно, не поддаваясь. Она расслабилась. Человек, что сидел напротив нее и говорил, так и не заметил, чем она занята, хотя находился всего в шаге от нее. Не заметил и стоящий начеку позади нее вооруженный охранник. Они были тупыми, эти люди. Тупыми, мягкими и медленными. Но они могли строить эффективные приспособления – приспособления, которые обеспечивали им преимущества, несмотря на тупость, мягкость и медлительность. Вроде того, что сейчас ее удерживало. Оно было удобным и более прочным, чем казалось. Вынужденная сесть в него, она уже не смогла встать. Не могла освободить ни тело, ни руки. И пока она так сидела, они могли перемещать ее по своему желанию, отвезти ее куда угодно, делать с ней все, что хотят.

А все, что могла она – это сидеть. Сидеть и ждать. И ждать у нее получалось хорошо. Как она подозревала – куда лучше, чем у этих людей.

Человек перед ней говорил. Говорил, говорил, говорил. Он говорил уже так долго, что она с радостью сломала бы ему шею, просто чтобы он, наконец, заткнулся. Он пытался ее разговорить, поскольку теперь они знали, что она могла. Он показывал ей простые изображения и повторял их названия, в надежде, что она их узнает. За этим занятием прошел уже почти час. И ей было до смерти скучно.

Человек поднял простенький рисунок здания и произнес название.

– ДОМ.

Она не ответила, так что он повторил еще раз – мягко и с модуляциями:

– ДОМ.

Она уставилась прямо на него, ничего не говоря – просто чтобы ему стало не по себе. Он произнес название еще раз.

Имя на его белом одеянии гласило: «Кинлох». На шлеме охранника было написано другое имя: «Веренберг». Над механизмом, открывающим дверь, значилось: «Прежде, чем дверь откроется, нужно вызвать дежурного охранника». То же самое повторялось еще на шести других языках, включая арабский и японский. Она это знала, потому что могла прочесть на этих языках. Она не задавалась вопросом, почему она это умеет – не больше, чем она гадала над тем, как дышать, думать, или убивать. Она просто все это делала.

Кинлох поднял еще один рисунок.

– ЛОДКА.

Она задумалась, были ли его кости такими же хрупкими, как у того человека за стеклом, человека, что оперировал ее при помощи механических рук. Эти мысли развлекли ее на время еще нескольких повторов названия. На пятый раз, когда Кинлох произнес то же самое слово, она решила, что с нее хватит. Она устало пробормотала:

– Лодка.

Человек остался этим так доволен, что она тут же пожалела. Он показал ей еще одну картинку. На этот раз она мгновенно произнесла слово, чтобы сократить повторы:

– Собака.

Все рисунки у нее с чем-то ассоциировались, но ни один не затронул конкретных воспоминаний. Это были вещи, у которых имелись названия, простые названия, которые она знала. Упражнение было бессмысленным. Она глянула на стопку рисунков, что лежали перед Кинлохом, и едва не застонала. Стопка была такой толстой!

В экспериментальной лаборатории, сложив руки на груди и прямой, как стержень, стоял генерал Мартин Аллахандро Карлос Перес и смотрел на видеомонитор с трансляцией работы ученого с женщиной. Он смотрел, но не был уверен, что одобряет. Оставить носителя после того, как объект извлечен, не входило в первоначальный план. Более того, никогда не рассматривалось, даже как идея. Когда два ученых, Рэн и Гэдиман, и два солдата, Ди'Стефано и Калабрезе, доложили о нападении носителя на Рэна, Перес притащил обоих докторов к себе в кабинет ради старой доброй выволочки. Но несмотря на тот факт, что эти яйцеголовые были военными, как и он, на деле они не были солдатами. Несмотря на свое обучение, они все еще оставались докторами. Хотя наука требовала той же строгой дисциплины, что и военная служба, исторически сложилось, что доктора всегда были самыми неудобными солдатами, которые вечно оспаривали приказы и создавали неприятности за время своей службы. Перес знал, что причиной тому была присяга поиску знаний, тогда как настоящий солдат присягал своему командиру, своему подразделению, и богам-близнецам – Дисциплине и Порядку. Наука и военный порядок частенько не сочетались друг с другом, и этот носитель – эта женщина – была тому доказательством.

«Она получила полный заряд в упор, и это всего лишь ее оглушило. Что она за дьявол? И какого черта эти двое теперь от нее хотят?» Перес знал одно. Ему не нравилась сама идея того, что она останется на борту его корабля. Нет, это ему не нравилось, совершенно.

Два ученых все еще пытались его умаслить – после того, как они были вынуждены признать, что сохранили носителю жизнь без того, чтобы официально уведомить его о своих намерениях – уж не говоря о том, чтобы получить на это его разрешение, они носились вокруг словно парочка нервных мотыльков, ищущих куда бы безопасно приземлиться. Перес нахмурился, вспомнив, что сегодня на складе продовольствия обнаружили зерновую моль. Как эти упрямые маленькие ублюдки пережили обработку, он так и не понял.

– Это беспрецедентно, – мимоходом заметил Рэн, пока женщина на экране обыденно называла изображения на детских карточках.

– Совершенно! – подхватил его любимчик, Гэдиман. – Она функционирует на уровне взрослого!

Двое ученых обменялись взглядами, словно у них существовала телепатическая связь. Перес нахмурился:

– А ее память?

Снова обмен взглядами.

– Есть пробелы, – наконец-то неохотно сказал Рэн. – И некоторая степень когнитивного диссонанса.

Пересу стало интересно, действительно ли Рэн это знал, или он делал предположения. Или это она их дурит. Она уже дважды застала их врасплох без всяких провокаций жестокости («Если нападение хищника можно считать неспровоцированным»). А на что еще она способна? Перес отвечал на корабле за каждого человека, даже за этих двух чертовых болванов. Может он найти оправдание тому, чтобы оставить эту... эту... («Что она за черт в принципе?») Осмелится ли он сохранить ее в живых, и подвергнуть угрозе всё, и только ради того, чтобы эти детишки-переростки смогли еще какое-то время поиграть в докторов?

Рэну было явно не по себе от недостатка энтузиазма у Переса. Он стер пылинку с экрана, где доктор, работающий с носительницей, держал изображение большого оранжевого кота. Она посмотрела на картинку, помедлила, затем, нахмурясь, посмотрела в сторону, словно пытаясь вспомнить.

«Вот это интересно», – подумал Перес, гадая, почему именно это изображение...

– Подействовало! – решил Гэдиман.

Рэн неодобрительно сверкнул на него глазами. Перес знал, что тот не любил непрофессиональную речь. Забавно видеть слабые места этих союзников.

«Ни дисциплины. Ни верности. Ни сосредоточенности. Только любопытство. Может, именно оно убило и этого кота, на которого она не хочет смотреть».

Рэн решительно заговорил:

– Здесь есть некоторые связующие сложности. Что-то вроде низкоуровневого эмоционального аутизма. Определенные реакции...

Перес перестал слушать. Рэн напоминал ему политика – словарный запас ученого, вероятно, был более сложным, но говорил он так же ни о чем. Вместо этого, генерал сосредоточил внимание на женщине. Чем бы она ни была, она все еще оставалась женщиной. Во всяком случае, внешне. И он не одобрял попыток Рэна это отрицать. Независимо от того, решат они ее уничтожить или нет, научные жаргонизмы применительно к ней не лишали ее индивидуальности, или воли к жизни.

Ученый в комнате с Рипли отложил изображение кота в сторону и вытащил другое. На картинке был простенький рисунок маленькой девочки со светлыми волосами.

Тело женщины неожиданно напряглось. С ее лица исчезла скука, и оно стало внимательным. Явно удивленная, она уставилась на картинку. Затем нахмурилась, а ее взгляд смягчился. На миг даже показалось, что она может заплакать. Эти изменения были внезапны и на секунду показали ее человечность. Даже ученый в комнате смутился и сидел молча, не пытаясь заставить ее произнести нужное слово. Целое мгновение никто ничего не говорил. Никто не мог.

Изображение ребенка поплыло у нее перед глазами, а ее тело дернулось в оковах. Ее ребенок! Ее молодь! Нет, не ее... («Да, мой! Мое дитя!») Одновременно изображение значило все и не значило ничего. Ее разум затопили смутные, хаотичные образы и воспоминания, в которых она не могла разобраться.

Влажное тепло яслей. Сила и поддержка себе подобных. Исключительность индивидуальности. И неистовое стремление найти...

Маленькие, сильные ручки, обхватившие ее за шею, маленькие, сильные ноги, обхватившие ее за талию. Там был хаос, и она была этим хаосом. Воины кричали и погибали. Был огонь. «Я знала, что ты придешь».

Всеохватывающая боль потери – тошнотворной, невозвратимой потери – захлестнула ее разум, все ее тело. Ее глаза наполнились жидкостью, так что она перестала видеть, затем опорожнились, прояснив зрение, затем наполнились снова. Это ничего не значило – это значило все.

«Мамочка! Мамочка!»

Она искала связь с себе подобными, она пыталась найти поддержку и безопасность яслей, но ничего этого не было. Была только эта боль, ужасающая потеря. Она была пуста. Опустошена. И такой останется.

Она смотрела на доктора, держащего рисунок, и жаждала задать ему тот же вопрос, что и другим. Вопрос, на который, как она знала, они не ответят.

«Почему? Почему?!»

Однажды, она получит ответ. Если не здесь и сейчас, то скоро. Пока в ее мозгу раздавалось эхо голоса ее дитя, она решила, что получит ответ. Она вырвет его у них. Несмотря на их ружья, несмотря на оковы. Она возьмет его силой.

На экране женщина быстро моргала, и, вопреки всему, Перес почувствовал, что тронут. «Она помнит ребенка, ту маленькую девочку, которую спасла. Но как это возможно?»

– Но «носитель» помнит, – пробормотал он Рэну, нехотя переходя на жаргон ученого. Затем посмотрел прямо на доктора. – Почему?

Рэн тоже оказался удивлен. И не смог этого скрыть. Он отвернулся от экрана, и попытался найти объяснение:

– Ну, я бы предположил... коллективная память. Передающаяся у чужих из поколения в поколение, на генетическом уровне. Почти так же, как у высокоразвитого вида насекомых. Возможно, это механизм, необходимый для выживания, сохраняющий их особи унифицированными и без погрешностей, несмотря на различные характеристики, которые они могли бы унаследовать от разных носителей. – Он выдавил из себя улыбку. – Неожиданная польза от генетического сдвига.

«Неужели яйцеголовый думает, что я такой же осел, как он сам?» Перес смотрел на него, не отрывая взгляда – один волк бросает вызов другому. Глаза опустил ученый.

Перес насмешливо фыркнул:

– Польза?..

Он последний раз взглянул на искаженное мукой лицо женщины – «Я видел достаточно!» – и, резко развернувшись на месте, вышел из комнаты. Два доктора тоже покинули лабораторию и семенили за ним по коридору, все еще пытаясь как-то его умиротворить.

– Вы же не думаете о ликвидации?.. – робко спросил Гэдиман.

– О, Господи, я думаю о ликвидации! – выпалил Перес. Боль на лице Гэдимана доставила ему извращенное удовольствие.

Рэн быстро вмешался, самоуверенно пытаясь восстановить свой статус главного ученого:

– Мы не считаем это проблемой. Носитель... Он...

Перес остановился и повернулся к Рэну, вторгаясь в его личное пространство. Двое мужчин стояли нос к носу.

– Элли Рипли умерла, пытаясь уничтожить этот вид, и ей это удалось, – он ткнул Рэна пальцем в грудь. – Я не заинтересован в том, чтобы она вспомнила свои старые привычки.

«Особенно, если она стала получательницей “неожиданной пользы генетического сдвига”!»

К удивлению Переса, Рэн не отпрянул, но остался на месте.

– Этого не случится.

Гэдиману, этой мелкой сошке, пришлось вмешаться в разговор двух мужчин. Широко улыбаясь, он пролепетал:

– Уж если дойдет до боя, то я не уверен, на чьей стороне она будет!

Перес развернулся к нему, нахмурился:

– И меня это должно утешить?

Ученый попятился на пару шагов и придал лицу соответствующее выражение.

Перес пошел по коридору дальше, а эти двое шли за ним по пятам, совещаясь между собой и обмениваясь взглядами, словно пара школьников, собирающаяся устроить набег на спальный корпус девчонок. Перес кипел от злости.

Происходило много куда более важных вещей. Неужели они совсем забыли о целях? О смысле всей операции?

«Спасите меня от ученых! Они не могут избавить станцию от насекомых, но всегда находят время, чтобы тратить рабочие часы и деньги на индивида, способного подвергнуть угрозе весь проект».

Наконец он остановился перед запертой дверью. Ввел код по памяти, подождал, пока компьютер его переварит и предложит ему анализатор дыхания. Перес выдохнул в раструб. Анализатор не только распознавал специфические молекулы дыхания для установления личности с разрешением на вход, но и не допускал внутрь любого, даже с разрешением, если человек находился под воздействием наркотиков или алкоголя – то, чего анализ сетчатки глаза определить не мог.

С раздражением он понял, что два доктора все еще бубнят у него за спиной. Несмотря на его недовольство, казалось, что их это забавляет, будто они знают, что он им уступит – даже если и ненадолго. Он чуть покачал головой, когда двери наконец раскрылись, чтобы пропустить их во внутреннюю область для наблюдений. В маленькой камере было темно и неестественно тихо. Мужчины тоже затихли, словно само это место требовало покоя. Два полностью снаряженных солдата стояли наготове по бокам широкого окна для наблюдений. Генерал не обратил на солдат внимания, и не отдал им команду «вольно». До тех пор, пока они несут вахту на этом посту, никакого «вольно». Не здесь.

Перес подошел к окну. Он всмотрелся в другую комнату, еще более темную, и подождал, пока глаза привыкнут к сумраку.

– Суть такова, – наконец-то тихо сказал докторам он. – Она косо на меня посмотрит, и я ее усыплю. На Номер Восемь я смотрю как на побочный продукт.

Его раздражало, что он уступил так много – генерал знал, что парочка воспримет это как свою победу. Но только потому, что они его не понимали, не понимали образа его мыслей. Не имело значения, как долго Рипли прожила на борту его корабля – если она перейдет черту, никакие мольбы ее фан-клуба ее не спасут. Он сделает – уже сделал – все необходимое, чтобы этот проект стал успешным. И он не намерен позволить женщине это изменить.

Перес сузил глаза, заметив, как в другой комнате что-то двигается в тени. Он коротко улыбнулся.

– Эта девочка здесь – деньги.

«О, Рипли, если бы ты сейчас видела свою малышку».

Тени в комнате шевельнулись, двинулись, повернулись к ним, приблизились к стеклу.

– Когда она созреет для производства? – спросил Перес ученых.

– Через несколько дней, – ответил Рэн таким же тихим голосом, как у генерала. – Может, меньше. – Его голос стал еще тише: – Нам будет нужен груз...

– Он уже в пути, – резко сказал Перес, раздраженный тем, что доктор упомянул об этом перед солдатами. У него вообще мозгов нет? Он вообще понимает, что значит «засекречено»?

Он прищурился, стараясь разглядеть в темной комнате подлинную награду за все их труды.

«Вот. Вот она! Да, вот моя девочка!»

Словно кошмарная тень, Regina horribilis – королева чужих – вышла на свет, чтобы ее можно было увидеть.

Тайком, она снова испытала темницу на прочность, но та была надежной и не поддавалась. Тут была чужая обстановка неестественной гладкости, и одна из стен была прозрачной, позволяя ей смотреть наружу. Но все, что она видела, так это другую, точно такую же комнату. Там, по ту сторону прозрачной преграды, всегда находилось два человека со своими причиняющими боль устройствами. Они никогда не издавали звуков, никогда не оборачивались, чтобы на нее посмотреть, просто стояли. Через равные промежутки времени, которые она могла отмерить, их сменяли два других человека, но все они были такими одинаковыми, что она не могла отличить их друг от друга. Она не могла их учуять сквозь прозрачный материал, хотя определенные запахи до нее доносились через систему вентиляции.

Теперь три человека стояли у прозрачного барьера и смотрели на нее. Двоих она узнала – они присутствовали при ее странном рождении. Каким-то образом она чувствовала, что они за него ответственны – и за то, что сейчас она в плену.

Она снова изучила и проверила камеру на прочность, но никто из троих этого не заметил, не сообразил, чем она занята, хотя находились всего в шаге от нее. Не заметили и два охранника, стоящие к ней спиной. Они были тупыми, эти люди. Тупыми, мягкими и медленными. Но они могли строить эффективные приспособления – приспособления, которые обеспечивали им преимущества, несмотря на тупость, мягкость и медлительность. Вроде того, что удерживало ее сейчас. Оно было удобным и более прочным, чем казалось. Помещенная внутрь, она уже не смогла выйти. Пока она была заперта внутри, они могли перемещать ее по своему желанию, отвезти ее куда угодно, делать с ней все, что хотят.

А все, что могла она – это ждать. И ждать у нее получалось хорошо. Как она подозревала – куда лучше, чем у этих людей.

Один из людей говорил что-то другим. Было похоже, что единственным их занятием было стоять, смотреть на нее и разговаривать. Она их не понимала, но опять же, ей это было и не нужно. Она знала, что колония с ними уже сталкивалась. Были победы, были и поражения. Победы будут снова. Она может ждать. Ждать у нее получалось хорошо, даже если сейчас ей было скучно до смерти.

Имя на одеянии одного из наблюдателей гласило: «Перес». У двух других – «Гэдиман» и «Рэн». Знак над механизмом, открывающим дверь, в которую они вошли: «ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ДВЕРЬ ОТКРОЕТСЯ, НУЖНО ВЫЗВАТЬ ДЕЖУРНОГО ОХРАННИКА». То же самое повторялось еще на шести других языках, и она могла все это прочесть. Она не задавалась вопросом, почему умеет это – не больше, чем гадала над тем, как дышать, думать, или убивать. Она просто все это делала.

Люди продолжали разговаривать.

Она задумалась, были ли их кости такими же хрупкими, как у того человека, что извлек ее из носителя. Она гадала, была ли их кровь такой же теплой, как у ее носителя, такой же сладкой, и текла ли она так же свободно, если их разорвать на части. Эти мысли отвлекли ее от скуки.

Скоро придет время для воспроизводства. Этот крошечный, чужой отсек будет слишком маленьким, чтобы вместить ее великолепный яйцеклад, слишком маленьким, чтобы вместить богатство ее вывода. Слишком маленьким,

слишком холодным, слишком враждебным.

Она тосковала по влажному теплу яслей. По силе и поддержке себе подобных. Ее тяготило одиночество ее исключительной индивидуальности. И неистовое стремление к воспроизводству – скоро будет достаточно воинов, чтобы защитить ее, и чтобы построить идеальные ясли. И эти люди, эти жалкие, мягкие люди, станут пищей для ее молодняка и носителями нового выводка. Так и будет.

Но были воспоминания о нежданном хаосе. Воины кричали и погибали. И был огонь. И один человек, твердо стоящий на ногах, державший собственную молодь в руках. Несший смерть и разрушение в яслях.

Она моргнула, сбита с толку – ее разум затопили смутные, хаотичные образы и воспоминания, в которых она не могла разобраться.

Всеохватывающая боль потери – тошнотворной, невозвратимой потери – захлестнула ее разум, все ее тело. Это ничего не значило. Это значило всё.

Она искала связь с себе подобными, пыталась найти поддержку и безопасность яслей, но ничего этого не было. Была только эта боль, ужасающая потеря. Она была пуста. Опустошена.

Но такой она не останется. Ее тело знало. Будут другие ясли. Всегда появляются новые ясли. Она сама их построит. Она – и ее дети. Несмотря на ружья, несмотря на оковы, люди станут их частью. Они станут ей пищей, и она даст жизнь молоды. Она возьмет это место силой. Как было всегда. Как будет всегда.

«Нашей конструктивной безупречности соответствует только наша же враждебность. Даже людей восхищает чистота нашей породы. Мы – вид, выживающий в любых условиях, незатуманенный ни совестью, ни сожалениями, ни моральными заблуждениями.

Идеальный организм...»

В столовой Гэдиман сидел напротив Рипли, но на несколько стульев дальше. Он хотел дать ей личное пространство, даже если уединенность и была только иллюзией. В столовой, служившей заодно и комнатой отдыха, они оказались единственными посетителями. У двери стояли два охранника, но они были настолько обыденной деталью интерьера на «Возничем», что Гэдиман едва их замечал. И сомневался, что Рипли обращает на них внимание.

Она все еще была ограничена в движении, но за последние несколько дней люди несколько ослабили узы, чтобы дать ей большую подвижность. С тех пор, как ей показали изображение маленькой девочки, она стала странным образом пассивной и смотрела куда-то внутрь себя. Она ничему не сопротивлялась, и больше не выказывала склонностей к жестокости. Рэн считал, что изображение ребенка разбудило в ней достаточно воспоминаний, чтобы к ней вернулась часть ее прежней личности. Она была офицером флота, сказал Рэн. Она знала, как подчиняться и следовать приказам. Гэдиман же в этом сомневался.

Увеличившаяся свобода позволила Рипли первый раз самостоятельно поесть. Гэдимана это радовало. Кормить ее насильно было неприятно, и он не верил, что им удавалось впихнуть в нее достаточное количество питательных веществ. Однако теперь, когда у нее появился шанс поесть самой, она не проявляла к этому особого интереса. Что-то она съела, но, по большей части, просто перекладывала еду в тарелке с места на место. Блюдо было для корабля типичным – из обработанного и обезвоженного сырья, которое позже снова перерабатывалось так, чтобы хотя бы отдаленно напоминать узнаваемую пищу, – но Рипли не выказала большого аппетита. Гэдиман волновался, что у нее депрессия. Рэн отмахивался от его переживаний.

Гэдиман почти доел свой завтрак, когда заметил, что она изучает вилку, выказывая к ней куда больше интереса, чем к еде. Он вытер рот.

– Вилка, – услужливо сказал он. Ему отчаянно хотелось поговорить с ней, установить хотя бы базовое понимание. Если бы ему это удалось, то он мог бы узнать, что творится у нее в голове – то, чего не было возможности исследовать. Что она помнила? Что знала? Гэдимана пожирало желание это узнать.

Слегка прищурившись, Рипли искоса поглядела на него. Она всегда избегала прямого зрительного контакта. Слово она повторила, но тихо и неправильно:

– Дилдо.

Гэдиман смутился и был рад, что этого никто не слышал.

– Вилка, – мягко поправил он.

Выражение ее лица изменилось. Ему даже почти показалось, что она сейчас улыбнется, но этого не произошло. Вместо того она удивила его вопросом:

– Как вам?..

Казалось, что разговор требует от нее таких усилий, что он предугадал остальное.

– Как нам удалось тебя заполучить? Благодаря тяжелой работе. Образцы крови. Образцы тканей, взятые на Фиорине 161 и хранившиеся в лазарете на холоде.

Такое простое объяснение такой сложной работы. Беспрецедентной работы. Образцы оказались достаточно разнообразными, и клеток было в изобилии, но ДНК представляла собой хаос. Они сделали удивительное открытие, когда обнаружили, что на момент, когда у Рипли были взяты образцы крови и тканей, эмбрион чужих, уже находившийся внутри, на том не остановился. Он, подобно вирусу, порастил все живые клетки носителя – все до единой – и вынудил их измениться, чтобы ему было удобнее расти и развиваться. Это был глобальный прорыв в адаптивной эволюции. Гарантия, что любой носитель, – абсолютно любой, – обеспечит эмбриону все необходимое, даже если тело носителя не отвечало требованиям.

Смешение ДНК Чужого и Рипли позволило им вывести ее саму и эмбрион внутри нее. Но это было не просто. Им пришлось разобрать ДНК вплоть до РНК, пересобирать ее и постараться заставить функционировать... Это был труд, невероятно тяжелый и полный разочарований, и на него ушли годы.

А теперь она сидит тут, как обычный человек, и ест еду, как обычный человек. «А ее жуткий ребенок, уже теперь...»

– Фиорина 161... – тихо сказала Рипли, словно пробуя слово на вкус, перекаывая его во рту. – «Ярость»?..

– Это о чем-то напоминает? – надавил Гэдиман. Если бы только она с ним поговорила. – Что ты помнишь?

Она не ответила на вопрос, а только снова искоса взглянула на ученого.

– «Оно»... растет?

Гэдиман удивленно моргнул.

– Если «оно»...

«Она спрашивает о зародыше, который мы из нее извлекли... Да, должно быть о нем!»

– Да, «оно» растет. Очень быстро.

– Это королева, – решительно заявила Рипли, откладывая вилку в сторону. Тарелку она тоже оттолкнула от себя.

«Она же была под анестезией. Как?..»

– Откуда ты знаешь?

– Она будет размножаться, – без эмоций произнесла Рипли. Впервые она посмотрела ему прямо в глаза. – Вы все умрете. Все в... – она глянула на вилку, – ...долбаной... Компании умрут.

Она продолжила смотреть на вилку.

– В Компании?

«О чем она говорит?»

– «Вейланд-Ютани», – пояснил Рэн. Он вошел в столовую, и обошел Рипли сзади, но Гэдиман был настолько поглощен разговором с ней, что этого не заметил.

У Рэна на лице была все та же покровительственная улыбочка – выражение, которое он всегда носил, имея дело с Рипли. Гэдиману подумалось, что это странно, учитывая, что следы, которые она оставила на горле босса, все еще были заметны.

Главный ученый храбро сел рядом с женщиной. Он не был заинтересован в том, чтобы оставить ей личное пространство. Вместо этого казалось, что он намеренно в него вторгся, и словно давил на нее – как если бы хотел увидеть, нападет ли она на него снова. Гэдиману это не нравилось, но он не мог ничего поделать. Не то чтобы Рэн его когда-нибудь слушал.

Пока Рипли искоса на него смотрела, Рэн нагло взял еду с отставленной ею тарелки, в той же манере, как кто-то из родителей мог бы доест за своим ребенком.

– Компания «Вейланд-Ютани», – пояснил он Гэдиману, – была предыдущим нанимателем Рипли. Образовавшийся на Земле конгломерат; были у них и какие-то оборонные контракты под эгидой военных. Задолго до тебя, Гэдиман. Они разорились десятки лет назад и их купил «Уол-Март». Такое вот везение.

Он вернул внимание женщине, холодно улыбнулся:

– Ты увидишь, что с тех пор все изрядно поменялось.

На ее лице снова промелькнуло то выражение, которое заметил Гэдиман. Почти улыбка.

– Сомневаюсь, – сказала она.

Рэн не стал притворяться, что не понял ее.

– Мы тут не вслепую летаем, знаешь ли. Это военные силы Объединенных Систем, а не какая-то жадная корпорация.

«Как будто он не стал бы работать на жадную корпорацию, позволь ему заниматься подобными исследованиями», – подумалось Гэдиману, но он придержал мысль при себе.

Рипли уставилась в свою тарелку. Ее слова прозвучали безжизненно:

– Нет никакой разницы, – было похоже, что слова разбудили в ней какое-то воспоминание, от чего она нахмурилась и задумалась. Затем, она договорила: – Вы все равно умрете.

Рэн сцепил ладони перед собой, в «докторской» манере.

– И что ты по этому поводу чувствуешь?

Рипли пожала плечами:

– Это ваши похороны, а не мои.

Рэну ответ не понравился. Его нетерпение начало становиться заметным. В кои-то веки он перестал разговаривать с ней педантичным тоном, словно с ребенком:

– Мне бы хотелось, чтобы ты поняла, что именно мы пытаемся сделать. Потенциальная польза этой расы превосходит в сравнении любое городское «умиротворение». Новые сплавы, новые вакцины!.. Им нет подобного ни на одной известной нам планете.[1 - «Карательные операции» на военном жаргоне.]

Он остановился, словно осознав, что раскрывает карты слишком сильно.

Гэдиман видел разочарование на лице начальника, но знал, что Рипли не сможет понять или оценить их замыслы. В общем-то, мечты подобного рода могли оценить только ученые, хотя в общем и целом Рэн был прав – потенциал тут безграничен. На то, чтобы разобраться с генетическими тонкостями существ, и тем, каким образом генетический код, способный на производство кислотной крови и силиконовых панцирей, возможно приспособить для нужд других форм жизни, могут уйти десятилетия. Знание о том, каким образом паразитический

симбионт модифицирует своего носителя на генетическом и химическом уровнях, продвинет развитие биохимии и биомеханики на сто лет вперед. Работа, которую они проделали, чтобы создать Рипли и ее чужого, уже вытолкнула технологию клонирования на этот срок!

Покровительственный тон Рэна вернулся обратно:

– Ты должна гордиться.

Рипли рассмеялась – горько и неприятно:

– О, я горжусь!

– И животное само по себе удивительное. – Теперь Рэн пытался ее приободрить. – Они станут бесценными, когда мы их приручим.

Пристальный взгляд Рипли, напоминающий лазер, заставил его отшатнуться.

– Это раковая опухоль. Вы не сможете обучить ее трюкам.

К удивлению Гэдимана, Рэн не нашел, что ответить.

Рипли принялась вертеть вилку в пальцах и задумалась. Гэдиману очень хотелось знать – о чем. Но к сказанному она добавила только одно слово:

– Их.

Ди'Стефано следил, как небольшой частный корабль движется по вектору сближения с «Возничим». До сих пор это была очередная скучная вахта, и он убивал время в командном отсеке. Солдат заметил приближающийся корабль в протоколе данных, после чего отослал генералу официальное уведомление. Он никогда прежде не видел здесь частное судно. Не в такой близости к «Возничему». Конечно, это и отдаленно не было столь волнующе, как инцидент с этой женщиной из пробирки в лаборатории на прошлой неделе. Но как часто такое будет случаться?

Официально, после того как он сделал доклад, ему ничего не рассказали, но между делом Винни слышал, что заряд, которым он угостил дамочку, определенно улучшил ее отношение к окружающим. С тех пор она ведет себя кротко, как ягненок. Фактически, он слышал, что вчера ее совсем освободили. Даже выделили ей немного места «на погулять». С его точки зрения это было нормально, поскольку ее все равно всегда охраняло двое солдат. А после того, как все услышали о его действиях, остальные тоже начеку. Это была тут самая интересная работенка – охранять дамочку из пробирки. Ну и служба!

Практически тут же он получил ответ на свой рапорт.

– У приближающегося судна есть разрешение генерала Переса на стыковку, – произнес искусственно смоделированный мужской голос Отца, жутко звучащий в маленьком отсеке. – Код доступа шесть-девять-девять-три. Служба безопасности в полной готовности.

«Интересненько», – подумал Ди’Стефано. Частные посудины редко – если это вообще когда-либо случалось – привозили грузы или припасы на «Возничий». Он ведь был супер-ультразасекренным кораблем. У твоего пропуска должен быть свой пропуск, просто чтобы доставить еду. И тут этот мелкий слепень вдруг пришвартуется, а?

Винни услышал автоматическое уведомление, которое послал приближающийся корабль, – номер регистрации и свое имя – «Бетти, а?» – и вбил названные женским голосом компьютера цифры в свою консоль.

– Регистрационный код приближающегося судна не существует, – проговорил Отец. – Произошла ошибка. Пожалуйста, введите код заново.

«Черта с два я ошибся», – раздраженно подумал Винни. Но вбил код еще раз, более тщательно.

– В перечне Объединенных Военных Систем такого номера не существует, – заявил ему Отец. – Если не произошла ошибка при вводе, значит, приближающийся корабль не зарегистрирован.

«Невозможно», – подумал Винни. Он тут же снова уведомил генерала, после чего связался с подлетающим кораблем и потребовал от него код доступа, прежде

чем разрешить финальную часть сближения. «Даже если это так... У них кишка тонка вот так прилететь на военную базу!»

Винни ждал, что разрешение «Бетти» тут же аннулируют. И это было бы любопытно само по себе. Тогда кораблик с подобающей скоростью изменил бы курс, либо, если ему действительно нужно причалить из-за поломки или проблем с персоналом, он бы запросил помощь сигналом бедствия. И если Перес не даст согласия...

«Если он не даст согласия, я мог бы их подстрелить!» Ди'Стефано обдумал эту мысль. В его распоряжении было достаточно огневой мощи, чтобы распылить маленький кораблик на атомы. Он следил за тем, как пришелец увеличивается в размерах.

Но того, что он услышал, он не ожидал. Голос генерала Переса – «Сам Старик!» – пролаял через динамик наушника:

– Я дал этому кораблю разрешение войти в док, солдат, – Перес говорил с раздражением. – В чем проблема?

Услышав голос Переса, а не автоматический отклик – Винни всегда считал, что их дает какой-то другой офицер, – Ди'Стефано основательно удивился и смутился. Он даже запутался в словах:

– Э, прошу прощения, сэр, тут просто... регистрационные номера, э... – Он сглотнул, и сосредоточился. – Сэр! Нет проблем, сэр! Сейчас начнем заход в док, сэр!

– Смотри, чтобы так и было! – резко бросил ему Перес.

Винни уставился на приближающееся судно. «Это же пират – настоящий долбаный, стопроцентный, незаконный пиратский корабль. Без регистрационного номера. Без официального чего-либо. И он летит по личному приглашению Переса. Как вам такое!»

С легкой ухмылкой Винни вспомнил, что перед этим назначением говорил ему командир: «Едва окажешься там, мальчик, запомни: не спрашивай. Не говори.

Ничего. Чтобы они потом не пришли ко мне и не сказали, что я плохо тебя выучил». Даа, эта работенка просто обязана стать трамплином для более серьезных вещей – если, конечно, он еще раз не проколется со Стариком.

«Уж будьте покойны, второй раз такого не случится. Теперь лучше позаботимся о своей заднице».

Маленький кораблик спокойно шел на сближение. Винни теперь хорошо его видел. Он даже выглядел, как пират – выкрашенный в тусклые камуфляжные цвета, которые скроют корпус, если вдруг придется лететь низко над покрытой растительностью планетой. Универсальная посудинка – явно разработана для космоса, но по бокам у нее угловые отсеки, которые легко можно трансформировать в аэродинамические крылья для полета в атмосфере, плюс хвостовое оперение, чтобы обеспечить бо́льшую подвижность в воздухе. Но корабль был старым, грязным и побитым, с многочисленными заплатами и неродными деталями. Он выглядел полной противоположностью огромному, темному «Возничему».

Винни моргнул, вглядевшись в рисунок на фюзеляже. «Что за черт?..»

Затем он начал смеяться. Он был любителем культуры периода Второй мировой войны, так что мгновенно узнал стилизованное старомодное изображение с полуодетыми красотками, из тех, что раньше назывались пинапом. Прямо под именем корабля, на фюзеляже красовалась крутобедрая и полногрудая женщина в скудном, подчеркивающем формы одеянии, недвусмысленно сидящая верхом на древней ракете.

«Даа. Бетти, точно. Тут становится все интереснее и интереснее».

А на борту «Бетти» всегда было интересно. Во всяком случае, для ее капитана Фрэнка Элджина – тощего, как тростинка, угловатого мужчины за сорок, чьи темные глаза и выдающийся нос придавали ему сходство с хищником. Он поерзал в кресле второго пилота, уперся ногой в ботинке в консоль. У него только что спросил код доступа какой-то зеленый рядовой солдатик, у которого еще молоко на губах не обсохло! Капитан повернулся к соседнему креслу и легко рассмеялся. Его пилот Сабра Хиллард, высокая, сильная женщина, ухмыльнулась в ответ и покачала стриженной головой.

Как будто где-то мог быть код доступа для этого корабля, осуществляющего эту перевозку, с таким грузом. Ну конечно!

Капитан снова удобно откинулся в кресле. Ревела любимая музыка Сабры – какофония новомодного бита отдавалась даже в полу. Но Фрэнк не делал попыток убавить звук. Музыку выбирает пилот. Если на борту «Бетти» и существовали правила, то это было одно из них.

Элджин обратился к рядовому по коммуникатору:

– Мой код доступа – «иди на хрен», сынок.

Рядом хохотнула Сабра. Элджин заметил, что, пилотируя корабль, она одновременно играет в какую-то видеоигрушку с космической битвой. Поразительно, сколько вещей может делать одновременно эта женщина. От одной этой мысли у Фрэнка разгорячилась кровь. Он поймал ее взгляд и выразительно на нее посмотрел. Она ответила тем же.

– А теперь, открой нам чертов ангар, – сказал он солдатику, – а то генерал Перес станцует индейский танец на твоей девственной попке.

Судя по всему, генерал уже успел сказать то же самое, потому что автоматический голос компьютера «Возничего» уже давал Хиллард необходимые ей координаты.

– Заводи нас по курсу на три-ноль, – сказал Фрэнк пилоту. – Параллельно.

– Милый, все уже сделано. – Она так и не оторвалась от игры.

Элджин выбрался из кресла, пока космическая станция разрасталась по мере сокращения расстояния.

– Не врубай осевые, пока не останется метров шестьсот. Пусть слегка перетрусят.

Перед тем как уйти, он погладил ее по щеке, и Сабра ему подмигнула.

Элджин мельком оглядел кокпит, заваленный разнообразным самодельным оборудованием вперемешку с устаревшими играми, предметами одежды и прочим барахлом членов команды. Посреди этого организованного хаоса стоял Кристи. Массивный, но привлекательный темнокожий мужчина зрительно уменьшал любое пространство, где он находился. «Здорово иметь такого за своей спиной, – подумалось Элджину. – Разумеется, если он на твоей стороне».

Кристи был занят прилаживанием обмундирования: сложного приспособления с хитрыми микроблоками и приводами того же цвета, что его темная кожа. Вся механика была собрана по собственной схеме здоровяка. Пристегнутое к его мощным предплечьям под локтями, оно буквально исчезало, и позволяло нести оружие там, куда другие обычно даже не думали смотреть.

Элджин подошел ближе.

– Мы идем внутрь. Пришло время немного насладиться генеральским гостеприимством.

– О, великолепно! – насмешливо ухмыльнулся Кристи. Его выразительные темные глаза прямо-таки сочились презрением. – Армейская жратва!

Элджин помог ему закрепить последний ремень.

– Зато мы продержимся до тех пор, пока не загоним семейную телегу спекулянтам. Разумеется, если местные настроены дружелюбно.

Кристи услышал то, что Элджин не сказал.

– Ждем неприятностей?

Капитан помедлил с ответом.

– От Переса? Сомневаюсь, но лучше быть начеку.

Кристи больше не задавал вопросов и вообще ничего не говорил. Он просто один раз кивнул, тряхнув львиной гривой дредов, и остальное было понятно без слов.

Двигательный отсек «Бетти» делил пространство с грузовым ангаром. Именно там Аннали Колл и Джон Врисс сосредоточенно работали, пытаясь вздохнуть еще немного жизни в антикварный кусок механизма, который они в шутку называли стабилизатором. Колл знала, что Врисс ждет этой стыковки. Их сейчас действительно прижало – часть оборудования устарела слишком сильно, чтобы его можно было хоть как-то подновить. Все члены команды старались изо всех сил, но Элджин надеялся, что Армия подкинет им каких-нибудь запчастей – в качестве маленького бонуса за хорошо выполненную работу. И Колл и Врисс надеялись, что Элджин окажется прав.

Колл – стройная женщина с тонкими чертами лица – стояла у квадратного блока, и ее изящные пальцы были запущены вглубь темпераментного механизма. Тем временем Врисс – плотный мужчина среднего возраста, обладавший крепкой челюстью, мясистым носом и начинающими редеть светлыми волосами – лежал на передвижной платформе. Когда он закатил себя под механизм, чтобы заняться им снизу, Колл при помощи магнитного подъемника опустила верхнюю часть стабилизатора на место. У них ушли часы – снова – на то, чтобы пересобрать мозг машины. Теперь надо было объединить его с механическим основанием и заставить гармонично работать вместе.

Когда Колл соединила механизмы и размагнитила подъемник, она задумалась о своем напарнике. Ей нравилось работать с Вриссом. Он был трудолюбивым, изобретательным и сосредоточенным на своей работе куда больше, чем можно было сказать о других членах команды. Она отсоединила цепи от стабилизатора, и проследила, как подъемник возвращается на свое место под потолком.

Из-под механизма слышалось насвистывание Врисса – мелодия, которую они подцепили в каком-то баре во время прошлой остановки. Колл улыбнулась, вспомнив тот вечер. Это была еще одна причина, по которой ей нравилось работать с Вриссом. Обычно он отличался жизнерадостностью, и с ним было легко.

Она тоже начала насвистывать, подхватив мотивчик, и экспромтом у них получился неплохой дуэт.

Затем Колл отстраненно заметила, что в ангар вошел еще один человек. Она продолжала насвистывать, стараясь не напрягаться и не транслировать свои чувства. Потому что если она не будет осторожна, то Врисс заразится от нее

напряжением. К тому же она не хотела отвлекать напарника, пока он работает. Так что женщина насвистывала, а человеку, шагавшему по мосткам наверху двигательного отсека, уделяла самое минимальное внимание.

Это был Джонер. Имени его Колл не знала, да и было ли оно вообще? Впрочем, ей было плевать. Плевать, если бы Джонер умер. Она его ненавидела. Ненавидела все, чем он был, все, что он делал. Бывали дни, когда ее основная работа на борту «Бетти» заключалась в том, чтобы Джонер не понял, насколько он ей не симпатичен. Это понравилось бы ему слишком сильно, а она не хотела доставлять ему такое удовольствие.

Жилистая женщина-техник старалась, чтобы присутствие Джонера не отвлекало ее от работы. Он осыплет ее насмешками, если она выронит болт или обдерет костяшки пальцев из-за невнимательности. А еще ей не хотелось, чтобы Врисс узнал, что Джонер здесь. Может, если они оба его проигнорируют, он просто уйдет восвояси.

«Без шансов», – подумала Колл, когда высокий, крепко сбитый и сильный мужчина остановился прямо напротив них. Он ухмыльнулся – его узкие, льдисто-голубые глазки напоминали ей свиные. Без сомнений, этот тип был самым уродливым человеком, какого она когда-либо видела, и уж тем более его не красил рваный шрам через все лицо. Джонер ухмыльнулся еще шире – шрам искажил улыбку, превратив ее в отвратительное подобие нормальной – и тоже подхватил мелодию. Только его версия песни звучала с гаденьким, грубым, уродливым оттенком, что хорошо подходило его внешности.

Боковым зрением Колл заметила, что Джонер вытащил карманный нож, раскрыл его и принялся вычищать кончиком лезвия грязь из-под ногтя большого пальца. Она отвернулась так, чтобы он мог прихорашиваться без ее внимания, и заставила себя продолжать насвистывать вместе с Вриссом. Даже усилила громкость в надежде, что Врисс не услышит Джонера. Вот потому-то она и не увидела, метнул ли Джонер нож в ногу Врисса намеренно, или просто уронил его.

Но зато она увидела итог.

Маленькое лезвие по рукоять ушло в мясистую часть левой ноги Врисса. Колл ощутила такой прилив гнева, что уже не смогла его проигнорировать, и застыла

в бешенстве, раскрыв рот. Она не могла решить – то ли заорать, то ли начать ругаться, то ли бросить что-нибудь в этого сукина сына.

А под стабилизатором Врисс продолжал насвистывать, совершенно не сознавая происходящее.

– Да что с тобой не так? – прошипела женщина сквозь зубы хихикающему Джонеру.

Теперь, когда она перестала насвистывать, Врисс наконец-то сообразил, что что-то происходит, и вытолкнул себя из-под механизма, полностью выкатив оттуда платформу, на которой лежал. Он заметил Джонера на мостках, удивленно взглянул на Колл, не понимая причин ее ярости.

– Всего-то немного метательной практики по цели, – Джонер совершенно не раскаивался. Он указал на мужчину на платформе. – Врисс не возражает.

Колл с беспокойством посмотрела на второго механика, затем взглянула на его бедро, чтобы Врисс мог проследить за ее взглядом.

Когда механик заметил нож, торчащий из бедра, он завопил:

– Проклятье!

Он дернул рычажок, и часть платформы поднялась вверх. Затем сформировалось сиденье, и развернулись подставки под ноги – вместо платформы снова появилось механическое кресло на колесах, которое Врисс сам для себя сконструировал. Талантливый, но парализованный ниже пояса инженер сердито уставился на маленький складной нож, торчавший у него из ноги.

– Джонер, шлюхин ты сын! – со злостью выругался Врисс и со всей силы швырнул в того гаечный ключ. Но Джонер умело увернулся и только разулыбался еще сильнее:

– Ой, да ладно! Ты ж ничего не почувствовал!

Решив, что это гениальная шутка, он громко захохотал.

Теперь Врисс выглядел смущенно, от чего гнев Колл разгорелся сильнее. Не устраивая шоу, она вытащила у себя из заднего кармана чистый носовой платок, выдернула нож из ноги Врисса и прижала к кровоточащей ране сложенный квадратик ткани, дожидаясь, пока кровь перестанет течь. Никто из них ничего не сказал – они просто работали парой, чтобы получить результат.

Затем Колл посмотрела вверх на мостки, на больного ублюдка, которого не могла назвать человеком.

– Ты – урод-вырожденец, ты знаешь это?

Но какое Джонеру было дело до того, как она его называет? Он развлекся за их счет, а значит, его взяла. Все еще хихикая, он протянул руку:

– Я бы забрал нож обратно.

Колл уже почти сложила лезвие и собиралась бросить нож обратно, но передумала. Она слишком разозлилась, чтобы быть покладистой.

Врисс посмотрел на нее и тронул за локоть:

– Колл, да забудь. Он просто нализался.

Она знала, что, несмотря на размеры и преимущества, Врисс Джонера не боялся. Но с него станется переживать за нее. Хотя и жилистая, она оставалась маленькой и хрупкой. А у Джонера не было проблем с тем, чтобы причинять боль. Он находил, что это весело. Но Колл было плевать. Ей надоело ходить на цыпочках рядом с этим жестоким ублюдком.

Одним быстрым движением она заклинила лезвие ножа между двумя сварными металлическими опорами и начисто его отломила.

Лицо Джонера потемнело от гнева. Он указал вниз:

– Не зли меня, малютка Аннали. Побудешь с нами подольше и поймешь, что я не тот человек, с которым можно подурить.

Колл это не смутило. Размер тут значения не имел. Она могла о себе позаботиться, и, если Джонер хочет это выяснить, что ж, пусть.

С секунду они смотрели друг на друга, а потом, к удивлению Колл, Джонер первым моргнул глазом и, все еще хорохорясь, ушел с мостков.

Колл откинула свои короткие темные волосы с глаз и подвигала челюстью вперед-назад – она до сих пор злилась. Приятная рабочая атмосфера, которой она наслаждалась, разбилась вдребезги. Врисс легонько стукнул ее по бедру и язвительно отметил:

– Все-таки нам пора начать общаться с людьми более высокого класса.

Умелые, сильные руки Сабры Хиллард подвели крошечную «Бетти» под брюхо огромного, раздутого «Возничего».

– Вот на что пошли доллары из моих налогов, – пробормотала она себе под нос, а потом ухмыльнулась, вспомнив, что никогда не платила налогов. Над ней распахнулись массивные двери ангара, а в ее наушниках раздался компьютерный голос «Возничего»:

– Начинайте заход в док.

– Да-да, Папаша, – снова пробормотала она, выводя кораблик на позицию.

Когда Хиллард подвела маленький корабль к доку, пришли в движение мощные электромагниты «Возничего». С громким металлическим лязгом «Возничий» принял корпус «Бетти» в свои объятия.

«Словно ребенок в кресле безопасности, – подумала Хиллард. – И почему мне так неуютно от этой мысли?» Удерживание, прежде всего это удерживание.

– Заход в док завершен, – объявил Отец с «Возничего». – Вы можете разгружаться.

Даже здешний компьютер звучал так, словно отдавал приказы. Отмахнувшись от предчувствий, Хиллард нажала кнопку коммуникатора.

– Приехали, дорогуши! Все на берег, кто идет на берег. Запомните: генерал запретил тащить оружие на борт «Возничего». Встретимся у шлюза, ребятки.

Она отключилась.

И почему заход в док такой большой станции заставлял ее ощущать себя проглоченной заживо?

5

С мостков на высоте Перес наблюдал, как его солдаты готовятся принять разгрузочную команду «Бетти». Придирчивым взглядом он осмотрел каждого бойца в поисках малейших признаков небрежности или беспорядка. Но войско выглядело хорошо. Коридор перед воздушным шлюзом был в полном порядке, как и все остальное на корабле. Именно так, как он того хотел. Так, как должно быть. Он лично подбирал каждого солдата на борт «Возничего». Каждый из них жаждал чего-то большего – более высоких званий, более интересных миссий. Служба под началом Переса впоследствии гарантировала им особое уважение. Так что до сих пор никто его не подвел. И генерал знал, что этого не произойдет и теперь. Только не тогда, когда он лично за ними наблюдает.

Воздушный шлюз закончил работу, и голос Отца произнес:

– Цикл завершен. Двери открываются.

По мере того как со стоном поднималась пневматическая дверь, постепенно становилась видна команда маленького пиратского корабля. Перес не мог не гадать, что думают его бойцы. На борту «Возничего» везде и всюду были наведены лоск и глянец – так, как того требовал Перес. Все солдаты внизу были одеты и причесаны одинаково. Мужчины, женщины, крупные, худосочные, их этническое происхождение – ничто из этого не имело значения. Все они были подразделением, повинующимся одному командиру.

«Не то, что эта разношерстная банда», – подумал генерал с насмешкой. Единственное, что их как-то объединяло, так это несходство. Одежда, прически, манера стоять, манера идти... «Или катиться», – с некоторым весельем подумал Перес, глядя на то, как один из членов команды передвигается на механизированном инвалидном кресле. Генерал покачал головой. Компания была настолько эксцентричной и эклектичной, что Перес не мог себе вообразить, как Элджин ухитрялся их заставлять выполнять даже простейшие приказы. Он гадал, как они выживали в космосе на этом ветхом корабле – там, где дисциплина и порядок были единственными вещами, способными сохранить человеку жизнь.

Команда «Бетти» двигалась вперед, приближаясь к солдатам. За это время Перес пересмотрел свою оценку. Он заметил их настороженные взгляды и напряженность, заметил словно выдубленную кожу и въевшуюся в нее, не хуже татуировки, смазку. «Нет, все-таки у них было кое-что общее», – сообразил он. В каждом легко читалась жесткость, и она не являлась частью бравады. Подобно его солдатам, эта команда не остановится перед убийствами, если придется. «Даже, – заподозрил Перес, – эта малютка в середине. Интересно, откуда она тут взялась? Элджин не упоминал, что набрал еще людей». Генерал постарался не задумываться, убивали они уже или нет. Он отмахнулся от этой мысли. Эти люди были пиратами во всех смыслах слова, но Перес не видел в том ничего славного.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

«Карательные операции» на военном жаргоне.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krispin_enn/chuzhoy-voskreshenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)